

АВАНТЮРНЫЙ ДЕТЕКТИВ
ВИОЛЕТТА ЯКУНИНА

A woman with brown hair styled in an updo, wearing a white dress with ruffled sleeves and white gloves. She has dramatic red eye makeup and bright red lipstick, with her mouth wide open in a shocked expression. Her hands are raised to her cheeks. She is wearing a long pearl necklace. The background is a plain, light color.

**СУМАСБРОДКА
НА
ВЫДАНИЕ**

16+

Виолетта Якунина

Сумасбродка на выданье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63118878

SelfPub; 2021

Аннотация

Можно ли считать дурной приметой, если в день своей свадьбы находишь в машине труп бывшего начальника? Вероятно. Однако, это не повод отменять торжество!

Выйти замуж – мечта каждой женщины, удачно выйти замуж – главная задача! И, если жених стоящий, то лучше не упускать такого шанса. Но кажется, весь мир ополчился против несчастной невесты.

Кто-то пытается ее задавить прямо перед загсом, и вместо свадьбы она оказывается на больничной койке. Ей угрожает сумасшедшая соперница, на нее охотятся бандиты, и даже верные друзья не могут помочь. И тут, появляется Он! Как же хочется верить, что это тот самый рыцарь в блестящих доспехах, который спасет тебя от любой беды! Но внезапная любовь только усугубляет ситуацию, ведь это еще как-то нужно объяснить законному жениху!

Любовь и ненависть, верность и предательство, настоящие приключения – все закрутилось в одну невероятную историю. Да, жизнь порой преподносит самые непредсказуемые сюрпризы, особенно, если ты – сумасбродка по природе своей!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	47
Глава 3	88
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Виолетта Якунина

Сумасбродка на выданье

Глава 1

Будильник захохотал, заухал и завизжал самым ужасным образом. Я быстро выбросила вперед руку, схватила завывающую тварь и зашвырнула ее в угол. Блаженная тишина бальзамом пролилась на мои уши, но сон успел сбежать. Жаль, я в нем зажигала с ослепительным красавцем на Лазурном берегу! Стоп, какие могут быть к черту красавцы? Я же сегодня выхожу замуж за Костика! И будильник поэтому поставила на такой ранний час. Пришлось высунуть голову из-под одеяла, которое меня спасало по ночам от морозильного холода кондиционера. По моему разумению, летом спать нужно в прохладе, но под теплым одеялом.

За умывальными процедурами я вспоминала сон и размышляла о том, что Костика красавцем можно было назвать с большой, да чего там преувеличивать – с огромной натяжкой. Но мама любила повторять, что «с лица воды не пить». Эта фраза как нельзя лучше подходила моему жениху, который (я взглянула на часы) очень скоро станет моим мужем. С лицом у Костика были проблемы: узкий треугольник вмещал в себя довольно крупный «римский» нос, тонкие губы,

безвольный подбородок. Глазки по природе своей были маленькими, но толстые стекла очков заметно их увеличивали. Расточка Костик был выше среднего, но сильно сутулился, поэтому казался совсем невысоким. И еще волосы. Их он любил, купал в шампунях и бальзамах, отчего они кудрявились светло-каштановым облаком. Он их носил до плеч и никогда не собирал в хвостик. Вот уже лет пятнадцать как я знаю Костика, и ничего в его внешности за эти годы не изменилось.

Но Костик относился к тем людям, которые завораживают собеседника умным красноречием, заставляющим забывать о его внешности. Прихлебывая утренний кофе, я снова перечисляла про себя все пункты, по которым выходило, что мне нужно как можно быстрее выходить замуж за Костика. Эти самые пункты я неоднократно обсуждала с Риткой, Громовым и мамой, поэтому в списке значились как моральные, так и материальные плюсы. Итак, Костик был профессором физико-математических наук, заведующим кафедрой «Чего-то там» в нашем НИИ и еще преподавал в университете. Он частенько ездил в разные страны с лекциями по приглашениям тамошних учебных заведений, а также на заморские симпозиумы и конференции, что говорило о его высокой котировке среди светил науки. Соответственно, брак с ним давал мне высокий социальный статус, положение в обществе и так далее. У Костика была трехкомнатная квартира, дача, «Volvo», но обо всем имуществе заботилась его ма-

мочка, вплоть до техосмотра. К слову сказать, мамочка была безобразно жирным минусом среди плюсовых достоинств моего будущего мужа, о ней мне сегодня вообще не следовало думать, чтобы не сбежать из-под венца в разгар бракосочетания. Все перечисленные «положительные стороны» пестовала моя мама, без устали твердившая, что «Костик старше меня, серьезнее, он сможет обеспечить будущее нашим детям». А потом всегда добавляла про лицо, которое не следует использовать в качестве емкости для питья. И «гулять», по ее представлениям, Костик не будет, и обижать меня не станет. Дальше она, в поисках сравнений, перекидывалась на собственную жизнь, в которой мой родитель, выступавший одно время в роли маминого мужа, вел себя ужасно: пил, бил, гулял. Но это уже была другая история.

Марго радела за этот брак по следующим причинам: «Он не будет тебя принуждать к чему-либо, контролировать каждый шаг, а значит, ты сможешь вести такой же образ жизни, как и раньше, – втолковывала она мне. – Твой Костик даже наличия любовника не заметит, ну если только тот не будет лежать к его приходу в супружеской постели. Ученые – народ рассеянный. Он не жадный, значит, одеваться, обуваться и украшаться золотишком будешь беспрепятственно в самых дорогих магазинчиках. По салонам красоты станешь шататься на новенькой иномарочке, питаться – в кабаках, отдыхать – на модных курортах. По дому все делает у него прислуга, так что нудный быт и тот отменяется. Чтобы не родить

урода, надо будет зачать от нормального мужика, только чтобы все по срокам совпадало. Он же у тебя математик, а не биолог, так что в жизни не догадается!» В общем, Ритка была уверена, что этот брак сделает меня еще более свободной и независимой женщиной. И лучше в браке быть любимой, нежели любить самой. И доказывала мне свою точку зрения при любой возможности.

Я посмотрела на часы и налила себе еще чашечку кофе. Хорошо Ритке рассуждать, а замуж все-таки мне идти. Разглядывая цветочки на кухонных занавесках, я томилась смутными волнениями по поводу сегодняшнего праздника. Правильно ли я делаю? Да, я Костика уважаю, мне нравится его преданность, всепонимание и забота, его целеустремленность и увлеченность собственным делом. Он цельная личность, Костик Коржиков, и вполне подходит мне в качестве мужа. Но я его не люблю... Впрочем, я никого не люблю. Я тяжело вздохнула, забросила чашку из-под кофе в раковину и побрела в прихожую.

Громов, на мой взгляд, был излишне прямолинеен: «Хватай своего Костика в охапку и тащи в ЗАГС, пока его мамаша не пронюхала. Кто же на тебе, кроме него, вообще женится? Шить, вязать, вышивать, а главное – готовить, ты не умеешь. Убирать, стирать и гладить ты не любишь. На дачу работать тебя не загонишь, детей рожать тебя не заставишь. По ночам с Риткой на дискотеках прыгаешь, по вечерам у телика с книжкой валяешься с чипсами в обнимку, днем на рабо-

те пропадаешь. Спрашивается, кому такая жена сдалась, когда на каждом углу по десятку баб, которые готовы мужика на руках носить, причем хромого, лысого и пьяного. А твой Костик парень хоть куда, завидный жених!» На Громова я не обижалась, за правду вообще обижаться не следовало, а большая часть из его обвинений была абсолютной правдой.

Что ж, сегодня я стану мадам Коржиковой, хотя нет, я же оставляю свою фамилию, значит, я стану мадам Аверской, женой профессора Коржикова. Зашнуровав кроссовки, я потопталась по прихожей, соображая, ничего ли я не забыла, сгрэбла с полочки связку ключей и выпихнула саму себя из квартиры. Путь мой лежал в сторону гаража, в котором обитала престарелая «девятка». Мы с нею обоюдно друг друга не любили и всячески пакостничали по мелочи: я ее не мыла, она регулярно ломалась. «Продай ее, пока в психушку не попала», – требовала Ритка. «Ну нет, она мне столько нервов вымотала, я ее лучше сгною!» – отбивалась я. Подруга даже пыталась мне свой «Ситроен» всучить, но я отказалась наотрез. Такого подарка я принять не могла ни под каким предлогом. Тогда Ритка стала настаивать, чтобы я его купила за три штуки баксов в рассрочку. Но это то же самое, что забрать даром, и я не согласилась.

До гаража нужно было топтать пешком десять минут, это если быстро шагать, и двадцать – если ехать на троллейбусе. Я шагала. Сегодня мне надо будет забрать платье у швеи (вчера была последняя примерка), сделать маникюр и при-

чески. Я собиралась еще заскочить со своим резюме в одну фирму, у них есть вакансия, которая меня невероятно интересует. Так что не стоило откладывать на потом этот визит, вдруг, пока я буду замуж ходить, к ним какой гений заглянет! И чтобы опять не опоздать на бракосочетание из-за гипертрофированного карьеризма, я собиралась использовать для передвижения «свою корову», так ласково я величала за глаза «девятку».

Ну вот, давала себе слово сегодня не вспоминать о той истории, но это словечко «опять» сделало свое подлое дело. Это не первое наше бракосочетание с Костиком. Первое сорвалось три месяца назад самым кошмарным образом. Дело в том, что, несмотря на заверения Маргариты о моей замужней жизни в богатстве и достатке, я собиралась продолжать делать карьеру. По профессии я журналист, но уже давно доросла до уровня редактора, и даже главного редактора. Во всяком случае, два года я занимала именно эту должность в редакции «Прима-Спрут», которая выпускала целых три газеты: детскую, спортивную и стоматологическую. Две последние выходили на восьми полосах, детская – на четырех. Но это ерунда, мы собирались расти! Собирались до тех пор, пока наш генеральный спонсор – банк «Мегастройноватор» – не развалился самым подлым образом. Из всей троицы не умерла только стоматологическая газета, которую хозяева продали другому издательству, в котором был свой собственный главный редактор.

Так я осталась не у дел. Впрочем, я не долго была безработной, всего лишь два дня, пока не наткнулась в Интернете на объявление «Автопробега». Эта газета нуждалась именно в главном редакторе с опытом работы. Зарплату сулили более чем приличную, и я потопала туда на собеседование. Сразу после собеседования я пошла сдавать главному бухгалтеру трудовую книжку – меня приняли на работу. Ой, только не подумайте, что босс клюнул на мою потрясающую внешность и не смог устоять перед соблазном! Все было не так.

Три месяца подряд я рьяно выполняла все требования генерального директора, желая продемонстрировать, насколько ценного сотрудника он приобрел в моем лице. Впрочем, на новой работе все было хорошо, кроме этого самого директора. С Владиславом Жаткиным у нас с первых дней установилось стойкое неприятие друг друга, непонимание и недовольство от общения. Вообще-то я очень легко схожусь с людьми и прекрасно нахожу общий язык с начальством. Но тут был особый случай, как говорит моя мама, «нашла кося на камень». Владислав Валерьевич был высоким, симпатичным и неглупым молодым человеком, который считал себя невероятно умным, опытным, стильным, красивым, прозорливым, предусмотрительным и еще черт знает каким. Не хватит пальцев рук и ног, чтобы перечислить все достоинства, которые приписывал себе г-н Жаткин. Он себя очень любил и уважал.

При всем при этом он ни черта не смыслил в издательском деле, понятия не имел, как следует выстраивать работу редакции и как вообще руководить людьми. К мнению подчиненных по любым вопросам он не прислушивался, обожал давать тупейшие распоряжения и устраивать нелепейшие командировки. В одну такую он заслал меня накануне свадьбы. Конечно, я попыталась объяснить положение вещей, но беседа с ним очень быстро вошла в такое русло, что либо я должна была ехать, либо он уволит меня по статье. Такого позора я бы не пережила, потому что занять подобную запись в трудовой книжке после двух месяцев работы – означало поставить крест на карьерном росте. Я полетела в Пятигорск, где должны были состояться те проклятые переговоры, которые я провела с блеском и отстаивала интересы газеты по всем пунктам.

Всю ночь я просидела в аэропорту. Из-за непогоды самолеты не летали. Утром отправилась на автовокзал, понимая, что свадьба накрылась медным тазом. Позвонив из переговорного пункта, я хотела предупредить Костика, но трубку взяла Стелла Марковна. Дрожащим от ярости голосом она поинтересовалась, где я нахожусь, и почему мой телефон не отвечает. Я призналась, что сижу на вокзале в Пятигорске, жду автобуса и не успею приехать вовремя, потому что самолеты не летают. Когда она закончила свою тираду, я поняла, что не видать мне Костика как своих ушей без зеркала, она скорее его съест заживо, лишь бы только он мне не достал-

ся. Несостоявшаяся свекровь заявила потом ко мне в квартиру и забрала подвенечное платье, туфли и фату, а также серьги с бриллиантами, которые мне Костик вручил заранее, чтобы я смогла их надеть на регистрацию. И по всему городу разрезвонила, что «они отказались на мне жениться».

Господи, чего я только не наслушалась в те дни от своего окружения, промолчала только мебель в доме. Но мне в тот момент до слез было жалко Костика, я же знала, через что ему пришлось пройти ради этого брака, поэтому через три месяца я снова согласилась выйти за него замуж. На этот раз без ресторанов и толпы гостей на сто человек, без фаты и бриллиантов. Будет Рита, Громов и Феофан Леопольдович – дед Костика. Он у него жуткий авантюрист, и меня обожает. Маму я порадую после торжества, тем более, что она сейчас в санатории. Стелла Марковна тоже пока не знает о сегодняшнем проступке сына. Как высказалась язва Марго, «ничего, потом сюрпризом будет».

Мама Костика меня ненавидела с самого детства, яростно, самозабвенно и до умопомрачения. Ее бесило все: мое происхождение, внешность, характер, образование и профессия. Мне она тоже не нравилась. Она так ликовала по поводу нашего разрыва, что могла и не пережить нашего воссоединения, поэтому мы решили пока утаить положение вещей. Правда, у меня было такое чувство, что Костик боялся, что она его запрет в квартире и не пустит под венец или прибежит в ЗАГС и придушит меня у алтаря. И то и другое было

вполне в духе моей будущей свекрови.

За этими размышлениями я добралась до своего гаража. В семь утра город еще мирно дремлет, поэтому я не встретила ни единой живой души в этих местах. Гараж у меня прячется в весьма укромном закоулке. На небольшом участке тесно прилепились друг к дружке пара десятков гаражей, втиснутых между котельной и школьным стадионом. Мой располагался в самом неудобном дальнем углу, отчего моя «девятка» обзавелась несколькими вмятинами, пока я приноравливалась к въезду и выезду. Именно из-за этого ужасного подъезда гараж достался мне за копейки. Я жила в центре города, и новые гаражи простым смертным здесь ставить не разрешалось, поэтому те, которые уже имелись в наличии, стоили невероятно дорого. А тут такая удача: и рядом и задешево.

Замыкался он на три навесных замка и один внутренний. Отмыкая самый нижний, я заметила на земле связку ключей. Странно, кто же их здесь уронил? Я нервно осмотрела землю. Неужели опять нагадили? Ничего кучкообразного и дурно пахнущего, к моей вящей радости, я не увидела. Выходило, что хозяин ключей либо ограничился малой нуждой (я неодобрительно поморщилась), либо перелазил через забор, отгораживающий территорию моей собственности от школьного стадиона. Полез – и ключи выпали из кармана. Больше никакого путного объяснения, как ключи оказались у моего гаража, я найти не смогла. Заметив в связке ключи от импортной машины, я насмешливо хмыкнула. Интересно,

как он теперь без ключей на ней ездить будет? С такой рассеянностью второй комплект, наверняка, уже утерян. Пожав плечами, я сунула найденные ключи в сумку. Потом напишу объявление и приклею на ворота, если кто вспомнит, что здесь ошивался, пусть звонит.

Жмурясь после яркого солнца, я втиснулась боком в недра гаража, пробираясь к дверце водителя. Справа от машины находился стеллаж, на котором топорщилась гора вещей, перекочевавших сюда из моей квартиры. Они уже были как бы не нужны, но и не поломаны, поэтому выбросить их рука не поднималась. Здесь пылились бабушкина швейная машинка, старый пылесос, кухонный комбайн, огромная перина, запакованная в целлофан, три шезлонга и разобранный детский манеж. В необъятном ящике хранились несколько кастрюль, два чайника и медный таз. Это богатство считалось моим приданым, которое я больше не могла видеть у себя на балконе. Были еще ящики с книгами, которые больше никто во всем мире никогда не захочет читать, но их тоже я не могла выкинуть из-за почтительного отношения к печатному слову.

Стеллаж с хламом занимал очень много места, поэтому сильно затруднял доступ к машине. Но я уже приоровилась. Юркнув в салон, я вставила ключ в замок зажигания, повернула его, предварительно выжав сцепление. О, чудо! «Корова» завелась с полуоборота. Я насторожилась и даже нахмурилась. Давно известно: стоит ей сразу завестись, как весь

день катится через пень-колоду. Ну нет, только не сегодня. У меня же свадьба! Я выключила мотор, посопела, проговорила про себя поговорку про Карла, Клару и кораллы и снова завела машину с первого раза. Так, главное без паники. Свадьбе быть – ее не миновать! Я буду ездить остороженько, ни в кого не врежусь и даже резюме сегодня не повезу. К черту карьеру, да здравствует личная жизнь! Завтра его повезу.

Успокоив себя таким образом, я тихонько выкатилась из гаража. И тут вспомнила о раскладушке. По идее, она должна была присоединиться к содержимому стеллажа неделю назад, потому что я сделала перестановку в квартире, и сей предмет оказался лишним. Но с тех пор вожу ее в багажнике, где эта зараза ужасно гремит и нервирует меня, однако каждый раз, въехав в гараж, я волшебным образом о ней забываю. И когда выезжаю из гаража, тоже о ней не помню, и только когда начинаю прыгать по ямам на соседней улице, а она злорадно принимается тарыхтеть – вспоминаю, но возвращаться мне обычно лень. Сегодня я вспомнила о раскладушке вовремя, даже ворота еще не закрыла! Похвалив себя, я снова заглушила «девятку», в глубине души надеясь, что теперь она точно начнет чихать и выделяться, вылезла из машины и потопала к багажнику.

Раскрыв его, я некоторое время в оцепенении созерцала то, что в нем лежало вместо раскладушки. Но через секунду отскочила на приличное расстояние, жалея, что не могу упасть в обморок или хотя бы заорать во все горло – от

ужаса у меня пропал голос. Помахав руками, я честно попыталась завопить что-нибудь вроде «спасите-помогите», но у меня получился лишь жалкий писк. Сделав несколько глубоких вдохов, я подкралась маленькими шажками к машине и, вытянув шею, снова заглянула в багажник. Увы, никаких галлюцинаций! Он действительно был там. Мне ничего не привиделось. В утробе моей «коровы» лежал себе уютно свернувшись калачиком, и хитро на меня поглядывал правым глазом мой недавний шеф и генеральный директор ЗАО «Брут» и «Автопробега» Владислав Валерьевич Жаткин. Нет, он вовсе не хотел поиграть со мной в прятки или подурачиться. Он уже вообще не мог во что-либо играть, и дурачиться тоже не мог, потому что был стопроцентно мертвым. Жаткин стал трупом, а моя машина – гробом.

Я быстро захлопнула багажник и даже закрыла его на ключ, словно боясь, что Жаткин оживет, как в фильме ужасов, и на меня набросится. Дрожащими руками набрала на сотовом номер Громова и сказала.

– Громов, сию секунду дуй к моему гаражу. Я попала в такую задницу, что...

– В «мэрса» въехала? – ужаснулся Громов, вспомнив, видимо, что в соседнем гараже обитает «Мерседес» последней модели.

– Если бы, – вздохнула я.

– Аверская, во что ты вляпалась на этот раз? – сурово спросил он.

– В дерьмо, – кратко проинформировала я.

– А то ты куда-нибудь еще вступала! – рявкнул Громов и отключился.

Он жил на соседней улице, так что через пять минут должен был прибежать ко мне на помощь. К машине я подходить боялась, поэтому пристроилась на пеньке неподалеку. Кто же мне подложил эту свинью в багажник? Мертвый Жаткин в моем багажнике в день моей свадьбы – это даже не свинья, а целая свиноферма! Ну нет, я не позволю ему во второй раз разрушить мое семейное счастье! Хватит того, что он лишил меня работы и на долгие годы вперед подорвал веру в человеческую порядочность.

Уволиться из его издательства мне все же пришлось, несмотря на мое карьерное рвение. Причем увольнение сопровождалось жутким скандалом. Мой уход ничего хорошего для газеты не принес, но Жаткин этого в расчет не брал, когда орал с пеной у рта: «Вон из моего офиса». Я в долгу не осталась и тоже высказала все, что я о нем думаю.

Дело в том, что полгода я пахала, как ломовая лошадь, на благо общего дела, не забывая, конечно, о собственных выгодах, ведь мне обещали повышение заработной платы. Я занималась рекламой издания, носилась по брифингам, презентациям, акциям. Собственноручно раздавала газетки в народе, рассказывая о потенциале издания. При этом собирала материалы в номер, перерабатывала статьи из Интернета, сочиняла соцопросы, выдумывала интервью, потому что

не могла в одиночку все это сделать натуральным образом.

Но Жаткину все было мало, ему казалось, что оставались во мне неиспользованные ресурсы. Правильно казалось. И вот в прошлом месяце Жаткин собрал общее собрание и хорошо поставленным голосом сообщил о том, что назрел вопрос о собственном рекламном отделе. Дескать, наша газета вполне может быть прибыльной и рентабельной, если начать распродавать рекламные площади, поэтому он поручил редактору, то есть мне, заняться рекламой. Остальные должны были быть на подхвате. Каждому, кто притащит в газету рекламу, было обещано двадцать процентов. Дальше последовала десятиминутная речь о том, что хватит сидеть на всем готовом, пора и деньги учиться зарабатывать. Вообще-то я давно удивлялась, почему у нас глухо с рекламой, но мудро помалкивала: как известно, инициатива наказуема. До сих пор финансирование издания шло за счет фирмы «Брут», но всем было понятно, что эта фирмочка даже на туалетную бумагу для сотрудников не зарабатывает. И на самом деле «Автопробег» служил для отмывки чьих-то грязных средств, которые прогонялись по брутовским документам. И Жаткин – это лишь подставная фигура, соответственно, куражиться он мог лишь перед сотрудниками редакции. Но внешне все выглядело в пределах нормы, зарплаты нам выплачивали без задержек, так чего же было не работать?

Но теперь в мои обязанности входила еще и реклама! Я готова была его убить за этот бред. То, что он предлагал де-

лать, даже не пахло профессионализмом. Во-первых, я уже не раз занималась привлечением рекламодателей, и для меня это было делом отнюдь не новым, не то, что для него. Реклама – это серьезный и многоуровневый процесс, и, в отличие от шефа, я понимала, что редактор не может быть одновременно еще и рекламным агентом. Во-вторых, создание базы рекламодателей – это весьма трудоемкий и долгосрочный проект. А зная Жаткина, я подозревала, что с завтрашнего дня он примется спрашивать с меня результат. И в-третьих, меня раздражало все показное, глупое и ненатуральное, руководящий стиль моего шефа весь состоял из сплошной показухи!

И никакие аргументы не подействовали – реклама полностью повисла на мне. Не знаю, что на меня нашло, но я внезапно решила, что смогу это вытянуть. Нет, я не сошла с ума, я поступила еще глупее: убедила себя доказать окружающим, что я суперспособная и деловая женщина. «Автопробег» стал смыслом моей жизни: я жила на работе и жила работой. Статьи в газету я теперь готовила по ночам, что между нами девочками было не так уж и сложно, а весь день с утра до вечера висела на телефоне, «привлекая клиентов на свободную рекламную площадь». Дело пошло на лад. Я подписала несколько договоров с перспективой дальнейшего сотрудничества. И наметила неплохой список потенциальных рекламодателей.

И тут Жаткин притащил в офис невообразимую девицу.

Высокая и худая, как жердь, она была живой карикатурой к песне о «секс-бомбе». Ноги-палки с острыми коленями были обуты в ботинки на невероятной шпильке. Мохнатый топик не прикрывал живота, запавшего между ребер. Выпирающие тазобедренные суставы и тощий зад обтягивал небольшой кожаный лоскуток юбки. Руки-плети были увешаны золотыми браслетами, а на пальцах блестели многочисленные колечки. Жиденькие волосы были некачественно промелированы и прихвачены зажимом, по типу моделей из модных журналов, чтобы, значит, художественный беспорядок на голове и все такое. Она томно смотрела на мир густо накрашенными коровьими глазами и беспрестанно жевала жвачку.

Девушка, допускающая в речи все мыслимые и немыслимые ошибки, стала начальником отдела рекламы! А мне было поручено «натаскать» Линду (имя-то какое!) Васильевну Газелькину в рекламном деле. Девушка в свои двадцать пять лет успела многого достичь: научилась курить через каждые десять минут, в разговоре томно закатывать глаза, делая вид, что она знает много больше, чем окружающие, качать права, если не хотелось выполнять какое-нибудь поручение, ныть капризным голосом, если ее все же заставляли работать, и это, пожалуй, все. Самое интересное, что ранее она нигде ни дня не работала. «Автопробег» заполучил ценного сотрудника. Целыми днями она изводила сигареты и кофе да отвлекала всех от работы пустой болтовней.

Я не собиралась заниматься воспитанием нового члена команды, тем более что тут уже было ничего не поправить. Объяснила ей вкратце, что говорить, кому звонить и как заманивать народ в рекламодатели, продемонстрировала на примере, далее она должна была действовать сама. Но не тут-то было.

Через две недели Жаткин вызвал меня к себе и попросил передать всю базу с моими рекламодателями Линде. Отныне я должна была заниматься своей работой – редакторской, а она возьмет на себя рекламу. Я чуть со стула не свалилась: ведь это означало, что реклама следующего месяца, на привлечение которой я ухлопала столько сил, нервов и времени, достанется этой драной кошке!

Я попыталась договориться, что мои клиенты, наработанные за это время, останутся в моем ведении. «У меня с ними установился контакт, поэтому лучше будет, если я продолжу работать с ними» – распиналась я. Что, в принципе, было абсолютно логично. А Линда вполне могла дальше расширять рекламную базу, привлекать новых клиентов, в общем пахать непаханую целину. Я приводила какие-то доводы по поводу того, что, чем больше человек занимается рекламой, тем больше отдачи от нее будет, а он слушал и ухмылялся. Затем ему слушать надоело, и он заявил, что я могу быть свободна. Тогда я сказала, что не понимаю, почему должна отдать плоды своих трудов Линде, а Жаткин сказал, что не понимает, зачем ему такая строптивая сотрудница, которая

не желает выполнять его распоряжений.

Вот тогда и разгорелся тот мировой скандал: я высказала все, что у меня накопело на душе, а он – все, что думает и про мою душу, и про накипь на ней. Жаткин завел свою шарманку о том, что я могу не задержаться на этой должности, если буду так себя вести. А я послала его в изысканных выражениях вместе с его, то есть с моей, должностью. И тогда он мне заорал: «Вон из моего офиса». В запале я заявила, что будь у меня пистолет, то пристрелила бы его на месте, потому что «ненавижу его самого и его доходную суку». Увы, сказала именно так, не смотря на воспитание.

И вот на тебе, пожалуйста, мое желание исполнилось – Жаткин стал трупом сам по себе, без всяких усилий с моей стороны, но, чтобы не изменять своей подлой натуре, спрятался напоследок в моем багажнике. Даже будучи мертвым, он умудрился мне насолить! Я прислушалась к себе: нет, мне нисколько его не жалко, он плохо обходился со мной при жизни, а уж после смерти вообще нагадил по полной программе. И если о покойниках следует говорить только хорошее, то Жаткина мне не следует поминать вслух до конца собственной жизни. Но удержаться не было никакой возможности – настолько мне был неприятен этот человек, и я высказалась в сторону «девятки», ставшей саркофагом, не слишком красиво (маме бы не понравилось). И вам меня не понять, если только вас не унижали прилюдно и не вытирали о вас грязные подошвы стильных ботинок! Нет, я не

совсем бесчувственная, что-то такое плескалось внутри меня, но оно не имело ничего общего с состраданием. Чувство, которое я в этот момент испытывала, называлось СТРАХ. Пялясь на багажник своей машины, я отчетливо понимала, что кто-то настолько сильно меня ненавидит, что, убив моего бывшего шефа, спрятал труп в моей машине. Как я теперь смогу ездить на ней? Как?

– Привет, Аверская! Что ты несла такое по телефону? – гаркнул над ухом Громов.

От неожиданности я подлетела на своем пеньке на полметра, как тот медведь из сказки, которого изводила Машенька, сидя в коробе.

– Громов, ты чего орешь? Меня чуть кондрашка нехватила!

– Нет, я не понял, она меня выдергивает из дому в семь часов, вопит, что все пропало. Я бегу, ломая ноги, и вижу на пеньке Роденовского мыслителя! Может, с тобой не только шепотом, но еще и по-французски разговаривать?

– Громов, у меня в багажнике труп, – перебила я поток его красноречия.

– Да иди ты! – не поверил он.

Я ему ключи протянула и опять на пенек присела. Он открыл багажник и присвистнул.

– Ты почто шефа замочила? – обернулся он ко мне.

– Дурацкая шутка, – не одобрила я юмора.

– А кто шутит. Замок багажника цел? Цел. Замки на во-

ротах гаража пострадали от взлома?

– Нет, все были на месте.

– Ну, и как же так получилось? Он что, сквозь скважины прополз и сдох от усилий?

– Думаю, его кто-то туда засунул, – как прилежная ученица, ответила я.

– Правильно. А у кого имеются ключи от всех этих замков?

– Только у меня.

– Значит, кто его уколошил? Правильно – ты. Как ты думаешь, Аверская, кого посадят в тюрьму, когда менты увидят это безобразие? Молчишь? Вот, скажем, что ты вчера вечером делала?

– Читала. Читала я, Громов! Одна, без свидетелей. С дивана не падала, дверьми не хлопала, никакого характерного шума не производила, поэтому соседи тоже в свидетели не пойдут. И спала я одна-одинешенька. Но я его не убивала, и ты это знаешь, поэтому завязывай меня тюрьмой пугать. Давай лучше шевели мозгами, как мне помочь.

Громов еще раз посмотрел на скрюченный труп, сплюнул себе под ноги, вытащил сигарету из пачки и закурил, глубоко затягиваясь.

– Вот только без паники, Аверская, и без неврозов! Значит так, давай дробить задачу на части. Сначала решим, что будем делать с трупом. Тебе нужны разборки с ментами, если ты его не убивала? – дымя, как паровоз, спросил он.

– Нет, не нужны. Я потом до конца дней своих буду де-вушкой, у которой то ли труп в машине нашли, то ли она ко-го-то пришила. Я тебя, Громов, позвала, чтобы ты мне помог от него избавиться, – призналась я. – Как ты помнишь, я се-годня опять выхожу замуж, более того, намерена-таки вый-ти! Давай выбросим его из машины – и дело с концом!

– Дорогая, я помню про твою свадьбу, но тут пахнет роком. Не дай Бог тебе собраться за Костика в третий раз – не миновать ядерной войны!

– Что значит в третий? – возмутилась я. – Сегодня только второй!

– Так и я ж о чем, нет предела для совершенства.

– Громов! Хватит болтать, вытаскивай его оттуда.

Тут Громов прочитал мне целую лекцию по криминали-стике, на тему, почему нельзя труп Жаткина бросить в со-седних кустах.

– Менты будут искать объяснение, почему он здесь валя-ется, хотя убит не здесь. Они спросят себя: «Кто и почему его выбросил именно в этом месте?» Выяснят, чьи гаражи по соседству и выйдут на тебя. Узнают, что он тебя с работы попер, и обрадуются – мотив на лицо. Проверят багажник и найдут в нем кровь Жаткина. И все – сушите сухари, пиши-те письма!

– Громов, я его из города в багажнике вывозить не буду. Тот, кто мне его в багажник сунул, рассчитывал именно на это. Все знают, я езжу ужасно, все время правила нарушаю,

и меня менты чуть ли не каждый день останавливают. Представляешь, что бы было, если бы меня сегодня остановили?

– Спокойно, без паники! Теория твоя шаткая. И о том, кто подсунул шефа в багажник, мы подумаем позже. А сейчас скажи, где он живет, точнее жил?

– Точного адреса я не знаю, – нахмурилась я, – но это возле Золоторевой рощи, в новом жилищном комплексе. Я как-то подвозила Леночку в налоговую, и она мне показала дом, в котором шеф проживает, то есть, я хотела сказать проживал.

– Ага, ясненько, давай в машину, – скомандовал Громов. – Предлагаю доставить его ближе к дому, там его труп будет более логично смотреться.

Я быстро заперла гараж и села в машину. От присутствия самоуверенного Громова мне стало легче, а он примостился рядом, как ни в чем не бывало. У меня же было такое чувство, что везу в машине бомбу замедленного действия и вот-вот мы взлетим на воздух. Мне ужасно не хотелось кататься с трупом Жаткина в багажнике, но Громов прав, надо его отвезти куда-нибудь подальше. И тогда: я не я, и хата не моя! Пусть без меня разбираются, кто его кокнул.

Общаться с правоохранительными органами и доказывать, что ты не верблюд, не было ни малейшего желания. Вдруг они не захотят морочить себе голову, разыскивая ловкача, который устроил все это представление, а возьмут тепленького верблюда и сделают его козлом отпущения? В моем случае козой отпущения за несправедное увольнение, ведь

гораздо проще свалить все на меня. И свалят, как пить дать. От таких мыслей заныло сердце и засосало под ложечкой.

– Значит так, спокойно едем. Не нервничаем. Если по улице Пирогова, через Морской проулок, то будем в роще через пять минут, – инструктировал меня Громов. – Туда можно заехать очень хитрым способом, через частный сектор. Сейчас довольно рано, только восьмой час, выбросим его на берегу пруда, там есть такой спуск, и старые лодки на берегу валяются.

– А если нас заметят?

– Что ты предлагаешь?

– Не знаю.

– Тогда и не дергайся. Поехали.

В рощу мы проехали действительно очень странными путями. Но до пруда не доехали. Только наша машина нырнула в густую поросль деревьев и кустарника, Громов велел остановиться.

– Смотри, прекрасное место. Открывай багажник.

Труп вылезать не хотел, он прижился моем багажнике. Но Громов, парень спортивного телосложения, поднатужился и справился. Я в ужасе озиралась, ожидая в любой момент появления полиции с собаками или свидетелей с фотоаппаратами и камерами. Я была Громову не помощник, словно в ступоре наблюдала, как верный друг тащит в кусты моего врага. Неужели это все со мной происходит наяву, весь этот триллер в стиле сюр? Не может быть, я просто сплю и вижу

страшный сон. Громов ругнулся, продираясь сквозь кусты, и я задрожала от страха. Это все взаправду!

К моей вящей радости, нынче утром никому не взбрело в голову прогуляться по этой аллее: ни собачникам с питомцами, ни любителям бега трусцой. Место было действительно уединенным и укромным, люди забредали сюда редко.

Дальше через ров шло поле, на котором торчали две коробки недостроя, задуманные как многоэтажки. Строительная фирма облажалась, свечки дали крен, едва дойдя до четвертого этажа. Строительство заглохло, и теперь мертвые дома превратились в памятники человеческой халатности, в народе этот мемориал не пользуется популярностью. Так что здесь вполне можно устроить братскую могилу для бесхозных трупов. При этой мысли я торопливо перекрестилась – не дай Бог, еще раз пройти через подобный ужас! А для Жаткина сойдут и кустики, попробуй его дотащить до тех руин!

Наконец, Громов припрятал в густой пене зелени моего бывшего шефа и вышел, отдуваясь, никем не замеченный. В полном молчании мы погрузились в машину. Я едва сдерживалась, чтобы не дать по газам. И только выбравшись на проспект, перевела дух.

– Снизь скорость, ему нас уже не догнать! – посоветовал Громов, дымя своей вонючей сигаретой.

– Громов, как ты думаешь, кто его грохнул? А главное, почему его подсунули мне? – не отрывая глаз от дороги, спросила я.

– Не умеешь ты, Аверская, вопросы правильно формулировать, – посетовал Громов, – лучше спроси, кто тебя так ненавидит.

– Нет понятно, что тот, кто подсунул мне труп, сделал это не из любви ко мне. Но, знаешь, не думаю, что у нас с Жаткиным могут быть общие враги.

– Я бы сказал, что убийца – враг Жаткина, а тебя использовал для подставы, если бы не одно «но».

– В смысле?

– В том смысле, дорогая, что этот тип с тобой очень близко общается, если сумел сделать дубликаты ключей и от гаража, и от машины. Соответственно, выглядит он внешне, как твой друг, но по сути своей он тебе злейший враг. Ведь этот тип мог грохнуть Жаткина, и бросить его где угодно, но решил свалить всё на тебя. Вывод – он и тебя ненавидит.

– Логично, но страшно, – запечалилась я.

– Аверская, ты не дрейфь, лучше подумай, кого это ты так сильно достала? Как у тебя обстоят дела с врагами?

– До сегодняшнего дня я думала, что их вообще нет.

– Как видишь, ошибалась. Плохо, очень плохо, врагов нужно знать в лицо!

– Поясни, что может быть хуже подброшенного в машину трупа? – попросила я.

– Это значит, дорогуша, что придется подозревать всех поголовно. Кстати, меня можешь вычеркнуть из списка подозреваемых: я с Тузиком вчера пиво пил, потом мы в Ин-

тернете сидели и сплетни про свое руководство распускали. Засиделись до трех, после чего спать завалились.

– Громов, ты идиот. Я бы даже в бреду на тебя не подумала, – отмахнулась я.

А он пожал плечами и в окно уставился. Нет, ему и Ритке я доверяла абсолютно и полностью, так что он мог не пляться с равнодушным видом в окно, ожидая от меня заверений в дружбе. И, конечно, ко всему этому не имел отношения Костик. Он вообще мало к чему имел отношение в этой жизни. Кроме науки и вуза, его интересовала еще я, но это скорее отклонения от его обычной жизненной нормы.

Я рассеянно посмотрела на часы: восемь двадцать. Как летит время! Я давно должна быть у портнихи. Но стресс, с ним что прикажете делать?

– Высади меня здесь, я дворами доберусь до дома, а то там Тузиков взаперти изнемогает, – попросил Громов.

– Не забудь о моей свадьбе, – буркнула я ему вслед.

– Ага, о тебе вообще забыть невозможно, потому что ты невозможная женщина! – хмыкнул он в ответ.

Хлопнув на прощание дверцей, Громов энергично зашагал к проему между пятиэтажками. Сейчас он помчится в свой телецентр, где будет крутиться, как белка в колесе, весь день, помыкая своим единственным помощником – несчастным Тузиком. Громов трудился на телевидении давно, хотя и не имел специального образования. Учась в питерском летном училище, он подрабатывал монтажником на одной кино-

студии северной столицы. Переехав в наш город, он поставил крест на своей специальности и решил зарабатывать себе на жизнь тем, что в Питере являлось лишь хобби и приработком. Вскоре Андрей Громов прославился среди местных телевизионщиков как классный монтажер и оператор. Его приглашали на съемки семейных торжеств и официальных мероприятий, он делал отличные имиджевые и игровые ролики, изготавливал оригинальные заставки для авторских программ, которые плодились, как грибы.

Официально он работал в телецентре «Имидж-Мастер», и одновременно шабашил по-черному. Парень строил собственный дом. Он страстно мечтал обзавестись любящей женой, детишками, хотел стабильности и размеренности. И хотя подружки менялись у него раз в сезон, он не оставлял своей заветной мечты и старательно вил семейное гнездышко для будущих потомков.

Остановившись на светофоре, я решила включить музыку, чтобы хоть как-то себя расшевелить. Настроение было не просто ужасным, а ужасным. Это же нужно быть конченым циником и мерзавцем, чтобы так испортить девушке свадебный день! С другой стороны, может, преступник был не в курсе, что у меня сегодня свадьба?

Я принялась лихорадочно тыкать в приемник. «Радио Шансон», словно в насмешку, исполнило шлягер Анжелики Варум «Ля-ля-фа». И мне подумалось, действительно, ну что тут остается делать, надо как-то дальше жить. А для

этого придется вычислить убийцу Жаткина и моего личного недоброжелателя. Почему-то у меня возникло такое паршивое чувство, что на этом история не закончится.

Я лихо заехала во двор дома, где проживала моя портниха, приткнула «девятку» возле скособоченного облезлого гриба. Поднимаясь в скрипучем лифте, я перебирала в памяти людей, которые имели доступ к ключам от машины и гаража. Если отбросить маму, Громова, Ритку и Костю, то остаются сотрудники «Автопробега»: ведь до последнего времени я являлась членом их коллектива, а значит, кто угодно мог залезть ко мне в сумку, вытащить ключи и сделать слепки. Э, нет, так не подойдет, ключи от гаража и от машины я держу в разных связках. Выгоняя машину из гаража, я закрываю замки, а ключи всегда бросаю в бардачок, чтобы нигде не забыть. Таким образом, мои бывшие сослуживцы не могли сделать слепки с ключей от гаража, если только не проникли для этого в машину. А я что-то не припоминаю, чтобы кому-то давала автомобиль в прокат или кто-то зачем-то лазил туда с моего согласия. Но даже незаметно ко мне в машину посторонним людям было попасть сложно. Я чувствовала, что у меня сейчас голова лопнет от подобных мыслей!

Лифт звякнул – я вышла и стала трезвонить в дверь, обитаю светлым дерматином.

– Да что ж с тобой такое! – всплеснула руками Вера. – Так замуж невтерпеж?

– Привет, Верочка, я просто ужасно опаздываю. Отдавай

мой наряд, и я побежала! – затархтела я.

– Вижу, вижу – припекло, – хохотнула она.

Я просунулась за ней в комнату-каморку, которая служила ей швейной мастерской.

– Будешь примерять? – поинтересовалась Вера.

– Да ладно, уже вчера было видно, что все получилось отлично! – отмахнулась я.

Вытащив из сумки кошелек, вручила ей деньги. Поблагодарив за отличную работу, выслушав поздравления и пожелания счастья, я покинула квартиру. Держа на весу шелестящий чехол, я спустилась к машине.

Ключи не давали мне покоя. Если подумать, то на самом деле, к ним могли получить доступ многие люди. Вот, к примеру, несколько дней назад я возила Веру в магазин швейных принадлежностей, где мы подбирали отделку к платью, нитки и прочую дребедень. По дороге я заезжала к Ритке, а Вера ждала меня в машине и могла сделать миллион копий ключей от гаража. Только вот зачем это ей? Ей незачем. А кому есть зачем? И, правда, кому было не лень так напрягаться? Я совершенно неожиданно затормозила и свернула к дому Ритки. Больше не было сил скрывать от нее такие новости. По плану этого дня я должна была направляться с резюме в облюбованную мной фирму. Но как можно придерживаться каких-то планов после того, как находишь в своей машине труп своего шефа, пусть и бывшего?

Поговорить с подругой сейчас для меня было гораздо важ-

нее, чем скрупулезное претворение в жизнь вчерашних проектов. Звонить в дверь мне пришлось долго и упорно. Маргарита, как все творческие личности, в такое время обычно спала. Но моя настойчивость сделала свое дело: на пороге оказалась заспанная и помятая Ритка, облаченная в смешную пижаму в горох.

– Ксюха, ты рехнулась! – пробормотала она, пытаясь открыть захлопывающиеся глаза.

– Сейчас и ты начнешь собираться в дурку, когда услышишь последние новости – пообещала я, протискиваясь в прихожую.

– А что случилось? – ее зеленые глазюки так и распахнулись от любопытства. – Неужели я проспала твою свадьбу?

– Свадьба – это уже неактуально!

– Как, опять не женитесь? – заволновалась она. – Ксюшк, ты уж определись...

– Жаткина убили, а труп спрятали в багажнике моей машины, – сразила я ее на повал, и потопала напрямиком на кухню.

– О, Mon Dieu! Как убили? Как в твоём багажнике? – зачастила она, от волнения мешая русский с французским.

В трудные минуты жизни с ней такое случалось.

– Слушай, а правда, как его убили? – уставилась я на нее, сраженная этой мыслью.

– Ксюша, ты, случаем, ничего не пила? – заботливо поинтересовалась Ритка. – Твоя тет не пострадала?

Подружка довольно сносно болтала по-французски, поэтому в ее речи частенько проскальзывали инородные словечки.

– Кофе пила и еще хочу, – вздохнула я.

– Кофе я сейчас сварю, а ты сядь, подумай немножко, а потом все по порядку мне расскажи, – попросила подруга.

Я наблюдала, как она изящно порхала на своей просторной кухне, жарила кофейные зерна, прокручивала их в ручной кофемолке, засыпала ложку за ложкой в пузатую джазве, добавляла сахар и корицу. И выкладывала подробности утренней истории. Марго всем видом показывала, что внимательно меня слушает: тарасила глаза, а в нужных моментах ахала и ужасалась, не забывая о кофе.

– Или тебе с кардамоном?

– Что? А нет, пойдет с корицей.

– Знаешь, Ксюшк, что я думаю, – следя за кофейной шапкой, сказала моя подруга, – мы должны эту тварь разоблачить. Мне уже самой любопытно, кто эта гадина, что тебя под монастырь хотела подвести.

– Очень интересная мысль, – отозвалась я уныло, – только не так я представляла себе свою свадьбу. Не думала, что придется заниматься самовывозом трупов и погоней за убийцей.

Ритка на мою слабость и потуги поплакаться не обратила никакого внимания.

– Дорогая, давай рассуждать логически: неужели ты думаешь, что этот финт ушами будет единственным?! Человек,

который уколошил Жаткина, чтобы устроить тебе неприятности, просто так не успокоится. Он подбросит твой паспорт на место ограбления банка или, заgrimировавшись под тебя, отравит китайского императора.

– Господи, что ты говоришь! По-твоему, кто-то убил шефа, чтобы меня понервировать? А тебе не кажется, что это уже перебор? – запаниковала я.

– Не кажется! – отрезала безапелляционно Ритка. – Я считаю, это очевидный факт! Посуди сама, если кто-то решил по каким-то причинам избавить этот мир от Жаткина, он мог его убить в тысяче мест и захоронить так, что никто не узнал бы где могилка его. Но убийца почему-то прячет труп в твоём гараже! Разве это самое удобное место для хранения трупов?

Я в ужасе помотала головой, отказываясь от мысли, что мой гараж может сойти за филиал морга.

– О'кей, поехали дальше, – кивнула Ритка. – У вас с Жаткиным не было общих друзей и, тем более, общих врагов. Так кому же понадобилось вешать на тебя убийство? Почему в «козлы отпущения» избрали именно тебя? Неужели багажник твоей «девятки» – самое надежное убежище для трупов, а может, преступник рассчитывал, что ты будешь ездить с трупом в багажнике до конца своей жизни? Нет, что-то не верится! Скорее всего, эта акция направлена на то, чтобы тебя поймали, арестовали и засадили в тюрьму. Подумай только, ведь сколько мороки: воровать ключи, делать слепки, воз-

вращать ключи тебе так, чтобы ты ничего не заметила, убивать Жаткина и тащить его в гараж. Нет, Ксения Робертовна, как хочешь, но это старались для вас и только для вас. Это не есть враг Жаткина, это есть ваш враг!

Мне стало плохо от ее слов: то, в чем я боялась себе признаться, прозвучало вслух. Я сумела обзавестись в своей жизни таким недоброжелателем, который ради моей гибели убил человека!

– Боюсь, что ты права, – сдавленным голосом начала я, – только хоть изрежь меня на кусочки – я не могу представить, кому это я так мешаю! У меня нет женатого любовника, чтобы это была обманутая жена. Я ни с кем не соревновалась в том, чтобы заполучить руку и сердце Костика, чтобы это оказалась соперница. Я никому не разбивала сердец, чтобы меня преследовал неудовлетворенный мужчина. Я даже никому ног не оттаптывала в общественном транспорте, чтобы вызвать ненависть случайного маньяка!

– Слушай, я поняла! Это Стелла Монументовна! Она же тебя ненавидит, вот и решила свадьбу вам расстроить. А чтобы получилось наверняка, решила упечь тебя лет на десять в тюрьму.

– Версия – просто супер! Но боюсь, что старуха не справилась бы с Жаткиным. У нее, конечно, железный характер, но абсолютно хрупкое телосложение. А чтобы засунуть труп в багажник, нужна, знаешь ли, физподготовка.

Ритка разлила кофе по крохотным чашечкам, а я полезла

в сумку в поисках купленного вчера «Сникерса». Внезапно моя рука наткнулась на прохладную связку ключей с круглым брелоком "Honda", и я вытащила их на свет божий.

– Что это? – заинтересовалась подружка.

– Да, те самые ключи, что я нашла у гаража. И если вспомнить, что Жаткин ездил на «Хонде», выходит, что их обронил его убийца. Или, может они из кармана трупа выпали, а этот тип не заметил.

– Вот она – зацепка! – возликовала подружка, и глаза ее загорелись нездоровым блеском. – Слушай, надо узнать, где он держал машину: в гараже или на стоянке.

– На стоянке, – вздохнула я, чувствуя скрытый подвох. – Перед своим уходом я, по его просьбе, искала в Интернете гараж, но ничего приличного не нашла. Но нам-то это зачем?

– А затем, что, если его машина сейчас на стоянке, и ключи выпали у него из кармана, значит, он поставил машину и шел домой. Получается, что убийца его настиг по пути к дому. Тогда встает вопрос, куда подевался его знаменитый портфель?

Портфель был вишневого цвета из кожи крокодила. Жаткин им гордился почти так же, как самим собой, и никогда не расставался. Наверное, считал, что с портфелем выглядит солиднее. И именно в этом портфеле он переносил еще один атрибут истинного бизнесмена – ежедневник в кожаном переплете, который в «Автопробеге» все называли не иначе, как склерозник.

–Погоди! – осенило меня, – а ведь Жаткин пунктуально заносил в ежедневник все свои встречи. Что, если в тот вечер он встречался с убийцей, и в ежедневнике есть об этом запись? А может, там имеется какая-нибудь интересная информация, которая укажет на наших общих знакомых: телефон или адрес? Ведь, кроме тех, кто со мной работал в редакции, я больше никого не знаю, кто бы мог быть еще и с ним знаком. А то что-то мне подсказывает, что сотрудникам редакции убийство Жаткина, да еще с попыткой подставить меня, не под силу.

– А что, дельная мысль, – поддержала меня Ритка, – значит, надо искать машину, вдруг в ней найдется портфель с ежедневником. Или что-то еще, что прольет свет на эту загадку.

Я посмотрела на часы и покачала головой. Около десяти. Времени было в обрез. Но Ритка уже побежала одеваться. Есть у нее одна весьма неоднозначная черта – настырность. Иногда она очень помогает ей в жизни, но зачастую эта черта приносит множество хлопот окружающим. Пока она шуршала в спальне, у меня появилось стойкое чувство, что сегодняшней день я запомню надолго, и вовсе не потому, что дам брачные обеты Костику. Вот ведь невезение какое-то, ничего не могу сделать, как люди, даже замуж выхожу шиворот- навыворот, задом наперед!

Через пятнадцать минут – рекордный срок для моей подруги – она предстала предо мной во всей своей красе. Мар-

гарита Алексеевна была очень недурна собой. При среднем росте у нее было идеальное телосложение: отличная осанка, тонкая талия, высокая грудь и тугая попка. Настоящая кубанская казачка! Марго в наш город приехала после замужества, а родилась и выросла в Краснодаре, чем не просто гордилась, но и бравировала время от времени. Золотисто-пшеничные волосы, большие зеленые глаза, пухлые губы и носик, с россыпью веснушек, делали ее еще той сексапильной штучкой! И хотя некоторые утверждали, что мы с ней похожи, как сестры, я считала, что мне далеко до ее яркой и броской красоты.

– Так, едем на твоей колыхаге, – распорядилась она, замыкая квартиру.

Конечно, на ее «Ситроене Сахо» ярко-красного цвета на разведку ездить глупо, какой разговор!

– Слушай, Ксюш, давай вспоминать, кого ты возила в своей машине за последнее время, – предложила Ритка.

– Всех кого не попадя, – буркнула я, жалея, что дала себя уговорить на эту никчемную поездку.

Подруга расценила это по-своему, обернувшись ко мне в пол-оборота, произнесла проникновенным тоном:

– Не переживай, мы этого мерзавца в два счета вычислим. Я же тебе рассказывала, какие приключения выпали на долю нам с Анькой? И ничего, справились, причем гораздо лучше всяких там мужиков!

Ну все, сейчас она снова погрузится в воспоминания и

начнет рассказывать всякие сказки про то, как они с ее краснодарской подружкой угробили половину кубанских бандитов и вышли победительницами в мафиозной борьбе! Слышала я это не раз, но только не сегодня! Не в том, знаете ли, настроении. Тут на самую такую обрушилось, что не знаю как и расхлебывать.

Я нахмурилась, пытаюсь сообразить, как нам быстрее добраться до стоянки «Золотарева роща». Жаткин, помнится, жаловался на повышение цен в этой конторе. С другой стороны, чего же не повышать цены, когда у них, помимо парковки под открытым небом, был подземный гараж и огромная крытая площадка, расчерченная на квадраты.

– Кроме тебя, мамы, Громова и Костика, я возила Веру в швейный магазин, соседку тетю Любу в поликлинику, ее сына Антона в гимназию. Больше никого не припомню, – сказал я.

– А где ты хранишь вторые комплекты ключей от гаража и машины? – продолжала дознание Ритка, которая уже вошла в образ комиссара Мэгре.

– У мамы, где же еще?

– Правда, глупый вопрос. Если бы не твоя мама, ты, наверное, свою голову где-нибудь потеряла!

– Кто бы говорил, что забыла, как в прошлом месяце кошелек посеяла? – возмутилась я.

Но на самом деле Ритка знала, что говорит. Я с детства теряла свои вещи, как мама говорит, из-за моего «ротозей-

ства». Самой крупной потерей был книжный шкаф при переезде на мою нынешнюю квартиру. Так никто и не понял, куда он подевался грузчики не помнили, грузили ли они его, и я не помнила, грузили его или забыли у подъезда. В общем, факт остается фактом: шкаф из квартиры, которую я несколько лет снимала, вынесли, а в мою собственную новую квартиру он так и не доехал. Поэтому дубликаты всех ключей я храню у мамы, чтобы иметь возможность в любой момент сделать копию, если потеряла какие-то из них.

На стоянку нас запустили только благодаря моей настойчивости и кокетству моей подруги. Наплетя с три короба, мы прорвались на территорию и, обежав ее вдоль и поперек, выяснили, что «Хонды» Жаткина здесь нет.

– Слушайте, а чего вы на самом деле ищете? – продемонстрировал чудеса проницательности парнишка, которому Маргошка строила глазки.

– Тачку ее мужа, – кивнув в мою сторону, соврала она охраннику.

– Понятно. А кто муж?

– Муж – полное ничтожество и бабник. А тачка ничего так, симпатичная – серебристая «Хонда».

– Если номер назовете, тогда чего-нибудь подскажу, – поскреб в затылке наш добровольный помощник.

– Я букв не помню, а цифры «969», – поделилась я информацией.

– А эта, – протянул парень, – так он уже почти месяц, как

у нас не ставит. Он у тебя еще и жмот! Поперся к Давиду. А у того каждый квартал тачки вскрывают. Вот так-то.

– Ага, а жене ничего не сказал, – позлорадствовала Ритка, – Слушай, драгоценный, а ты не подсказешь, как нам стоянку этого неблагонадежного Давида найти?

– А че ее искать? Вон она, в дебрях, – и он махнул в сторону рощи.

Ослепив его благодарственными улыбками, мы отчалили в указанном направлении. Искомая стоянка нашлась быстро. Она была мала и неказиста, окружена хиленьким заборчиком из сетки – рабицы. И только две огромные овчарки, сидящие на цепях у вагончика, внушали надежду на то, что вашу машину не сопрут отсюда в первую же ночь.

Мы притормозили на обочине дороги. До ближайшего человеческого жилья было довольно далеко. К дому Жаткина можно было добраться по тротуару, идущему вдоль высокого бетонного забора, за которым скрывалась территория ткацкой фабрики. Или по узкой тропке, теряющейся в высоком бурьяне, которая бежала через поле с заброшенными свечками недостроя.

– Интересно, каким путем он ходил домой? – задумчиво произнесла Рита. – Если через поле, то грохнуть его – раз плюнуть. Если по улице мимо фабрики, то убийца мог остановиться возле него на машине, подзвать, если был знаком, или спросить дорогу и выстрелить. Ксюш, спроси у Громова, как был убит Жаткин?

Я послушно набрала номер сотового своего сообщника по сокрытию преступления.

– Я весь во внимании, – буркнул тот недовольным тоном.

– Громов, а как его убили? – лаконично поинтересовалась я.

– Спасибо, родная, дела у меня идут просто великолепно. После утренней физзарядки я чувствую себя бодрым и свежим. Прорезался невероятный творческий позыв, сижу вот, клепаю ролик.

– Громов, – перебила я его, – мне тоже тошно, только не забывай, я еще сегодня и женюсь! – решила я выдавить из него каплю жалости.

– Что б ты знала, остальные женщины на этой голубой планете выходят замуж, – отрезал непримиримый Громов.

– Так, мне сейчас не до каламбуров. Ответь, пожалуйста, на мой вопрос. Я утром была в таком шоке, что просто забыла это сразу выяснить.

– Для представительницы СМИ, у тебя никакой журналистской хватки. Ладно, не плачь, родная. Он застрелился веником, но в спину и с близкого расстояния.

– Очень смешно.

– Не смешно? Да, действительно, не смешно. Наверное, это был все-таки пистолет.

Видно, на этом моменте у Громова приключился пик отрицательных эмоций, и отвращения к жизни превысило допустимый уровень. Он взял и отключился. Перезванивать я

не стала. Мне сейчас не до его душевных переживаний, сама едва держусь. В принципе, с ним это иногда случается: когда у нашей творческой личности портится настроение, и он клеймит весь белый свет. И сегодня у него есть на то все причины.

Я вздохнула и посмотрела жалобно на подругу. Маргарита помахала руками, мол, не надо объяснять, все слышала. У Громова заскок, но что тут необычного?

– А может, не стоит соваться на стоянку? – засомневалась я, – Скорее всего, Жаткина где-то здесь и убили. Во всяком случае, труп точно найдут поблизости, сама понимаешь. И будет не очень здорово, когда менты начнут прочесывать окрестности и выяснят, что машину убитого разыскивали по стоянкам две девицы. Нам это надо?

– Тогда будем путать следы, – решительно заявила она. – Сюда я пойду одна. Давай ключи!

Спорить с ней было бессмысленно, да и времени на это не оставалось. Я молча вручила ей ключи. А Ритка принялась маскироваться: вытащила из сумочки белоснежный шарфик, тщательно закутала им голову, спрятав волосы. Напялила мои непроницаемо-черные очки, сняла прозрачную рубашку, оставшись в крохотном топике. С учетом того, что на ней была коротенькая цветная юбчонка и туфли на высоком каблуке, вид у подружки был тот еще. Я разнервничалась ни на шутку.

– А bientot, ma chérie! – пропела она дурным голосом.

И направилась к вагончику. Амплитуда движения ее бедер была выше всех похвал. «Мерс», проезжающий мимо, отчаянно засигналил. Она, не оборачиваясь, помахала ему ручкой. Если она продолжит так вышагивать, машины начнут сходить с трассы, не хватало нам еще аварий! С моего места было видно, как Ритка поднырнула под шлагбаум, овчарки стали рваться с цепи, а она встала в позу «Кто на нас с Васей». И хотя никакого Васи не было и в помине, Марго выглядела сокрушительно. И это полностью прочувствовал на себе охранник, вышедший к ней из вагончика. Они стали исполнять ритуальные танцы племени умба-юмба: два шага вперед, два – назад. Ритка гарцевала в пыли, словно ахалтекинский жеребец, выделявая своими точеными ножками невероятные па. Охранник топтался, как русский медведь на ярмарке. Но потом они взяли вправо и исчезли из виду.

Глава 2

Следя за руками мастера, сооружающими из моего за-
унывного каре совершенно невообразимую красоту, я пыта-
лась привести мысли в порядок. Увы, они сильно напомина-
ли зыбучие пески и никак не желали выстраиваться в четкие
цепочки. Я даже и не догадывалась, что в моей голове мо-
жет образоваться такая мысленная каша. А началось это в
тот момент, когда моя драгоценная, самая близкая на свете
подруга вернулась со своего шпионского задания.

Поспешно плюхнувшись на соседнее сиденье, Ритка по-
смотрела на меня безумными глазами и приказала: «Гони!»

– А что случилось? – начала было я.

– Сматываемся, быстро! – взвизгнула она.

И я перепугалась, что в машине у Жаткина она нашла еще
какой-нибудь труп. Судя по всему, она все-таки побывала в
«Хонде», хотя знаменитого вишневого портфеля из кроко-
диловой кожи, за которым она туда ходила, у нее в руках не
было, как впрочем и ежедневника. Ее душевное состояние
оставляло желать лучшего: она облизывалась, нервно огля-
дывалась и косила в мою сторону лиловым глазом. Я решила
не испытывать на прочность ее нервную систему и выяснять
подробности, а нажала на газ. Ритка выбивала по коленкам
барабанную дробь и странно вздрагивала.

– Погони нет, – доложила я.

– Вижу.

– А чего тогда трясешься?

– Есть с чего.

Ее уклончивость меня взбудоражила чрезвычайно. Но тут позвонил мой суженый, и мне пришлось сконцентрироваться усилием воли. Я нехотя призналась, что уже давно на ногах и успела переделать кучу дел. Он долго допрашивал меня, все ли у меня в порядке, словно почувствовал что-то. Я уверила, что все идет по плану, и что я уже забрала свое платье от швеи. Тут он напомнил, что регистрация у нас в три часа дня, и чтобы я не опаздывала. Я заверила любимого, что приеду непременно. Костик уточнил, что он сам заберет деда, Ритку и Громова. Я повторила, что все прекрасно помню и приеду самостоятельно на своей «корове» после парикмахерской. «Тогда я могу не волноваться!» – возвестил Костик и нежно попрощался. «Да, милый, волноваться совершенно незачем», – сказала я и отключилась.

– Я так поняла, что ему ты не собираешься обо всем этом докладывать? – хмуро поинтересовалась Маргоша.

Иногда у нее напрочь пропадало чувство такта.

– Пока нет, – не стала развивать я тему. – Ну а ты собираешься мне что-нибудь рассказать?

– Я тебе лучше покажу. Притормози вон там.

Я послушно притормозила. Ритка взглянула мне в лицо, словно желая убедиться, смогу ли я выдержать очередное потрясение. Я на всякий случай приняла непробиваемый вид.

– Вот, смотри, – сказала она и полезла к себе в лифчик, – это лежало у него в бардачке!

При виде ее находки мои мысли и стали зыбучими песками, потому что в ее руках показался бархатный мешочек, из которого она вытряхнула сверкающее бриллиантовое ожерелье. Я такое видела только в кино: машина, красивые женщины, бриллианты. Но в следующих кадрах объявлялись кровожадные бандиты с пушками, хитроумные полицейские с пушками, наемные убийцы с пушками и всем было плевать на красивых женщин. Бедняжек убивали, а бриллианты отнимали. В редких случаях чувство прекрасного было не чуждо благородным рыцарям, которые ценили красивых женщин больше стекляшек и, соответственно, приходили на помощь героиням. Но ни Костик, ни Громов не тянут на роль наших спасителей, так как у них нет пушек, бицепсов, навыков рукопашного боя и прочих атрибутов суперменов. От бывшего мужа Ритки тоже толку мало, а, как назло, вокруг нас нынче никаких других мужиков и не крутится, обеднели мы на рыцарей последнее время. Спасти самим при таком раскладе мне представлялось нереальным.

– Думаешь, они настоящие? – наконец спросила я.

– Я же тебе не ювелирный оценщик, – обиделась Ритка. – Откуда я могу знать? Но выглядят вполне презентабельно.

Мы еще немного поглазели на украшение невиданной красоты. Даже на мой неискушенный взгляд кольцо это тянуло на несколько миллионов долларов, его даже в руках было

страшно держать!

– Так, а теперь скажи, зачем ты их прихватила? – задала я мучивший меня вопрос, чувствуя, как у меня пересохло в горле.

– То есть, ты считаешь, что нужно было оставить эти драгоценности на плохо охраняемой стоянке?

От праведного негодования она даже заикаться начала. Я не на шутку испугалась необратимых изменений в организме подружки.

– Я считаю, что тебя не должна волновать сохранность этих цацек. И тут тебе не Краснодар, чтобы кидать бандитов и утаскивать из-под носа их имущество, враз головы лишишься!

– Ага, значит, как труп, так это нам, а как бриллианты, так другим уступать? Merde! Ты хоть понимаешь, сколько стоит такое ожерелье? Как я могла его бросить на произвол судьбы?

– Маргарита Алексеевна, что ж ты вытворяешь на старости лет? Совсем уже из ума выжила? Мало нам неприятностей с трупом, так теперь еще и это?! – задохнулась от возмущения ее бесшабашностью. – Тебе что, мама в детстве не объясняла, что брать чужое нехорошо? Особенно когда за это чужое тебе ручки-ножки повыдергивают.

Увы, мои слова, казалось, растворяются в пространстве, не достигая ее ушей. По лицу Ритки было ясно, что уговорить ее вернуть цацки на место, мне не удастся.

– Ты что, реально не понимаешь, что нам за них головы откроют, а потом только пожурят? Как ты без своей башки жить собираешься?

– Да, с чего ты взяла, что за ним будут охотиться бандиты? Разве твой Жаткин бандит?

– Бандит, – отрезала я. – И «Брут» и «Автопробег» – это только ширма, потому что в том виде, в каком они существуют, не прожили бы и пары месяцев. Но раз их кто-то создал, значит, это кому-то надо. И даже двух зарплат Жаткина на такое бы не хватило. Ясно тебе, дурья башка?

– Слушай, Ксюха, но ведь никто не знает, что он додумался такую вещь в машине оставить, скорее всего, решат, что колье присвоил убийца.

– Ох, не верю я в такую удачу! – покачала я головой. – Но, вот тут ты права, это действительно странно, как мог Жаткин такое богатство бросить у себя в автомобиле? Не такой он человек, чтобы забыть о бриллиантах в бардачке. А ну-ка, выкладывай, что тебе рассказал охранник?

Ритка, стараясь меня задобрить, постаралась чуть ли не дословно передать их разговор. Оказалось, что владелец «Хонды» приехал на стоянку глубокой ночью, охранник спокойненько спал и даже его не видел. Впускал машину и получал за стоянку деньги его друг, который поскандалил с женой и пришел к нему на ночевку. Да, нравы на этой стоянке подкупали простотой и непосредственностью – охранник спит, друг автомобиля запускает. Очаровательно! Не клева-

ла ребят жареная птичка в известные места... Но не в этом дело, насколько я смогла изучить Жаткина, он бы ни при каких обстоятельствах не оставил в машине целое состояние. Что же заставило этого перестраховщика так лопухнуться?

– Он был один, не спрашивала? – поинтересовалась я.

– Сказали один, – пожала плечами Ритка.

– Знаешь, что я думаю? Машину на стоянку ставил не Жаткин, иначе бы он забрал колье с собой! Это был – его убийца!

– Гениально! Только зачем ему так рисковать? Его могли бы запомнить. Почему он не бросил машину там, где ее оставил Жаткин?

– А затем, что он хотел, чтобы все подумали на меня. Возможно, убийцу видели в каком-то месте в компании с Жаткиным, потом он его убил, тело отвез ко мне в гараж, а машину поставил на стоянке. Когда менты будут спрашивать у охранников, когда пригнали «Хонду», они скажут время по журналу регистрации. Соответственно, в это время Жаткин был якобы жив, и тот человек, с которым он встречался вечером, его не убивал. К нему никаких вопросов, у него алиби. А укокошила шефа Аверская, подкараулив у стоянки! Убийца же не знал, что мы избавимся от трупа, да к тому же найдем ожерелье. А ментам бы и в голову не пришло выяснять, сам хозяин ставил машину или нет. Но даже если бы и спросили «кто?», с учетом того, что в убийстве подозревалась бы женщина, то есть я, им бы ответили – «мужик»,

значит, сам Жаткин.

– Логично мыслишь, – кивнула Ритка, – тебе надо идти в частные детективы, журналистика для тебя уже мелководье!

– Не подлизывайся! – не повелась я на лесть. – Зря ты прихватила чужое добро. Оно ведь, кому-то предназначалось, соответственно, его кинутся, и тогда нам несдобровать!

– Да, что ты раскаркалась «несдобровать, несдобровать», – передразнила меня Маргошка. – Мы просто спрячем его до лучших времен и сделаем вид, что ничего не знаем!

– Лучше сразу повеситься! – отрезала я.

Мы немного помолчали. Но делать было нечего, с тяжелым сердцем я тронулась с места и поехала в сторону Риткиного дома. Притормозили только на мосту, чтобы избавиться от ключей Жаткина. Такая улика нам была ни к чему, поэтому канула на дно речное. Всю дорогу мы беспрестанно спорили, смогут ли владельцы ожерелья выйти на нас или нет.

– Ну что ж ты такая дура? – причитала я. – Это элементарно. Охранник запомнил номер моей машины. Его спросят, он ответит. И вот они мы – берите и кушайте!

– У тебя стекла тонированные, машина стояла боком. То, что за рулем девушка, из его кибитки не видно. А номеров он не видел, потому что не выбегал на дорогу и не смотрел нам вслед! – горячилась подружка.

– Твоя жажда наживы загонит нас в гроб! – настаивала я на своем. – Нас мог видеть кто угодно. К примеру, водила «Мерса», который чуть не врезался в столб при виде твоей

походочки. И потом, как ты намерена его продавать? Ведь сунуться к ювелирам – это все равно, что протрубить на всю вселенную, братцы, вот они мы, хватайте нас!

Но Ритка вцепилась мертвой хваткой в мешочек, и на лице у нее было написано такое упрямство, что становилось ясно – просто так бирюльки она не отдаст. Когда мы поднялись к ней, этот спор потерял актуальность. Во-первых, возвращаться на стоянку, и класть колье обратно в бардачок было глупо и опасно. Во-вторых, выбрасывать драгоценности на помойку из-за страха разоблачения уже бесполезно, мы их взяли, и значит, если кто вознамерится выйти на их след, все равно окажется у нас. Тогда мы хотя бы сможем их отдать по-быстрому. И, в-третьих, возникла опасность опоздать во второй раз на свадьбу, потому что времени оставалось в обрез.

– Вот тебе и свадебный подарок! – заявила Ритка, нервно хихикая.

– Глаза б мои тебя не видели, коварная данайка!

– Ой, да ладно! Прорвемся!

– Марго, ты можешь сейчас говорить все что угодно! Только помяни мое слово: мы еще горько пожалеем, что соблазнились этой добычей. У меня самые что ни на есть дурные предчувствия!

– Ксюха, ты зануда, поэтому у тебя в квартире даже цветочки чахнут. Я не верю в твои предсказания, тоже мне нашлась ясновидящая! Эти цацки твой приятель Жаткин либо

свистнул у кого-то, либо должен был кому-то передать. Но на нас выйти никто не сможет. Никто!

Спорить с ней было бесполезно. Я взглянула на часы и охнула: прическа и маникюр были под угрозой. Бросив Ритку любоваться сверкающим великолепием камней, я помчалась в салон красоты.

Изящный локон спустился слева по шее. Парикмахерша послала последнюю струю лака на шедевр, исполненный на моей голове, и довольная отступила в сторону. Я всматривалась в бледное лицо крашеной блондинки с ярко-синими глазами. Нет, это не я. Разве у меня такая длинная шея и такой высокий лоб? А волосы, откуда их столько взялось, чтобы загибаться в эти волны и локоны? Я выдавила из себя счастливую улыбку счастливой новобрачной.

– Вы не хотите сделать у нас макияж? У нас отличный визажист, – предложила парикмахерша, небрежно забросив в ящик мои деньги.

– Нет, спасибо, – понимая, что у меня нет лишнего часа времени.

«Накрашусь, как-нибудь сама», с горечью подумала я. Эта попытка выйти замуж оказалась ничуть не менее травмирующей для моей нервной системы, чем предыдущая.

Выйдя из салона, я направилась к своей «девятке». Нужно было спешить, время поджимало. По дороге домой позвонила Ритка и сообщила нечто совершенно кретинское.

– Я придумала место, где будут отныне жить наши попу-

гайчики! – прощebetала она. – Так что не волнуйся!

– Мне нет дела до твоих пернатых, – отрезала я.

– Ах, только не начинай сначала!

И тут до меня дошло, что она пытается иносказательно что-то сообщить.

– Наши драгоценные птички будут чувствовать себя лучше всего у твоей мамы, к ней не ходят шумные компании и...

– Давай это обсудим после праздника души. Извини, но я думаю, что не стоит нагружать маму заботой о наших питомцах. Она тут ни при чем, как говорится, мы в ответе за того, кого приручаем. Ты их завела? Вот сама и ухаживай!

– О, в дверь звонят! – прервала меня Рита. – Наверное, твой математик явился. И правда, это не телефонный разговор! Salut, милая, до встречи в ЗАГСЕ.

Дома я первым делом залезла в душ, чтобы смыть с себя всю пыль, усталость и потрясения сегодняшнего дня. Аккуратно, чтобы не повредить свою прическу, я обмылась под теплыми струями воды. Обернув вокруг бедер полотенце, я устроилась перед зеркалом.

Теперь, чтобы макияж удался, надо отбросить в сторону все волнения. Настроиться, словно художник, наметить все этапы изменений, которые произойдут со мной. Всмотреться в линии лица, почувствовать себя немного фокусником. У меня бледная кожа – свежесть и матовость ей придаст тональный крем, пудра и румяна, слабым оттенком положенные на скулы, станут «здоровым румянцем». Глаза яркие, но

не такие огромные, как у Ритки. Тонкие стрелки, умелое сочетание теней и классная тушь сделают свое дело – они засияют звездами. Губы аккуратные, но вовсе не такие объемные и сочные, как бы мне хотелось. Карандаш, помада, блеск сделают свое дело. Отлично. Теперь родинка, она справа над губой, но совсем светлая. Одно движение коричневого карандаша и соблазнительная мушка наливается краской.

Получилось очень недурно. Усталость исчезла без следа. Теперь никто не скажет Костику, что его жена простушка. Красавица! Принцесса! Виват, виват! Я улыбнулась ободряюще своему отражению. Все у меня будет хорошо, как у «Русского Радио», особенно если не думать о трупах и сокровищах. Облачившись в свадебный наряд, я вообще почувствовала себя богиней. Корсет цвета слоновой кости, расшитый бисером, утягивал талию до состояния осины, юбка «годе» из тяжелого шелка, переливающегося оттенками от молочного до «кофе с молоком», красиво облегла бедра и вилась у самого пола. Я обула бежевые атласные туфельки, подхватила сумку и ключи. Помахала своему отражению и помчалась на собственную свадьбу. Ехать было каких-то пятнадцать минут, но лучше не опаздывать.

Уже садясь в машину, я ответила на звонок жениха, который со всеми гостями двигался в сторону ЗАГСА. Солнце жарило вовсю. В машине было так душно, не смотря на открытые окна, что я опасалась за свой макияж. К счастью, обошлось без стояния в пробках, но Костик и К* прибыли

первые. Они меня засекли и радостно замахали букетами. Я посигналила и проехала немного дальше, так как другие брачующиеся запрудили своими разряженными тачками все подъезды. Увидев свободный пяточок напротив ЗАГСА, я юркнула в него, как мышь в норку. Подняв стекла, я замкнула дверь и оглянулась. Ко мне спешил Костик с букетом в руках, в отдалении кучковались наши немногочисленные гости. Я махнула рукой жениху, мол, стой, не переходи, я сама. Две другие бурлящие народом свадьбы с любопытством наблюдали за нами. Мельком глянув на дорогу, я поплыла навстречу своему будущему мужу.

Я так и не поняла, откуда взялась та раздолбанная «Победа». Она просто материализовалась из воздуха! С утробным ревом тяжелая машина неслась прямо на меня, словно не считала меня достойным препятствием для того, чтобы объезжать или тормозить. И до сих пор я теряюсь в догадках, как я смогла так далеко прыгнуть с места. Это был мой личный рекорд по прыжкам в длину. Увидев этот пережиток прошлого, мчащийся прямо на меня, я сиганула вперед, что есть мочи. «Победа», утробно хрюкнув, лишь поддела меня, придав ускорения. Но убить меня на месте, размазать по асфальту в лепешку, ей не удалось. Ничуть не замедляя хода, она, завизжав тормозами, скрылась за углом. Впрочем, я этого уже не видела. Совершив полет, достойный Оскара за лучшую каскадерский трюк, я впечаталась головой в чью-то «Ауди», припаркованную на обочине. И это было моим

последним воспоминанием на ближайшие два часа.

Нет, в себя я пришла на какое-то мгновение, но врачи скорой, вызванной Громовым, что-то мне вкололи, после чего воспоминания утратили для меня свою свежесть. Более или менее я стала хорошо соображать лишь на следующее утро. Оказалось, у меня приключился аллергический шок на введенный препарат. Это объяснение прозвучало из уст смущенной медсестры, когда я осознала себя лежащей в больничной палате. Мне как всегда повезло: на вызов к ЗАГСУ явилась «скорая» с дежурным врачом, заступившим на свое первое дежурство. Испугавшись, что я сейчас отброшу коньки у него на руках, он ввел мне слишком большую дозу лекарства, что и привело к столь «чудесному» результату.

Пошевелив конечностями под простыней, я осознала, что руки-ноги на месте, а гипса на них нет, значит, нет и переломов. Это меня, безусловно, порадовало. Но все мое тело ныло и болело, и одолевала слабость, видимо, сказывались последствия перенесенных потрясений прошлого дня.

Представляю, что пережил Костик, когда для начала я едва не погибла под машиной у него на глазах, а чуть позже не отправилась к праотцам от укола спасителей в белых халатах. А если вспомнить, что свадьба опять не состоялась, то вообще становится печально, наверное, он себе полшевелюры оборвал от горя. Хотя, постойте, сотрудники ЗАГСА попросили нас привезти паспорта за два дня до регистрации. Помнится, мне объяснили, что у них такое нововведение –

оформлять брачные свидетельства и прочие бумажки заранее. Тогда выходит, что я все же стала женой Костика?

– Скажите, а меня скоро отсюда отпустят? – спросила я у медсестры.

– Это вам с доктором надо поговорить, – выкрутилась юная садистка, протыкая мне вену иглой.

Я поморщилась. Ненавижу все эти процедуры: уколы, капельницы, анализы. Сестричка поставила систему и испарилась из палаты. Я смотрела на стеклянную банку, наполненную прозрачной жидкостью, которая перетекала в меня по гибкой трубочке, и размышляла обо всем случившемся. Что это было, покушение на мою жизнь или несчастный случай? Кто управлял той взбесившейся развалюхой – злоумышленник, задумавший мою гибель или просто свихнувшийся водела?

В преступный умысел как-то не верилось. Это что, за таинственный враг пошел на меня войной? Не иначе как глава местной мафии, только на что я ему сдалась? Наверное, это все же стечение обстоятельств, говорят же, пришла беда – открывай ворота. Скорее всего, этот случай не имеет отношения к трупам в моем багажнике. А об этом «ребусе» вообще думать не хотелось: кто и с чего на меня взелся – ума не приложу. Драгоценности из «Хонды» навевали тоску и дурные предчувствия. Было такое ощущение, что тем самым мы с Риткой многократно увеличили количество врагов всемогущих и злопамятных.

В дверях показался Костик с огромным букетом в руках. Лилии. Терпеть их не могу: от их приторного запаха у меня моментально начинается мигрень. И что мне теперь с этим букетом делать? В этом весь Костик: букет должен быть, а из чего он составлен уже неважно.

– Привет, Ксения, как ты себя чувствуешь? Я ужасно переживал за тебя, но потом врачи заверили меня, что твоей жизни ничего не угрожает. И я поехал домой переодеться, – промямлил он, озираясь, не зная, куда приткнуться веник.

– Костик, ты что, торчал всю ночь в больнице?

– Ну, в общем, да.

Почему-то вспомнилось, как он настаивал на том, чтобы все называли меня только полным именем. Видите ли, ему казалось, что все уменьшительно-ласкательные его производные звучат пошло.

– Положи цветочки на подоконник, – посоветовала я, – потом попрошу принести для них ведро с водой. Садись и рассказывай. Этого придурка на «Победе» поймали? Он был пьян, слеп или кто-то нанял автокиллера?

– Ксения, я не понимаю, над чем ты смеешься? Ничего забавного я тут не вижу, ведь тебя дважды чуть не отправили на тот свет! Увы, пока приехала полиция, пока опросили свидетелей, злоумышленник успел скрыться.

– Понятно. А что говорят эскулапы, когда мне можно будет уйти домой?

– Думаю, что уже сегодня. У тебя нет переломов, просто

ушибы, ничего серьезного.

– Это я уже поняла.

– Я заберу тебя к вечеру. Днем тебе нужно будет побыть здесь, чтобы врачи могли понаблюдать за твоим состоянием, – поправив привычным жестом очки на носу, заявил Костик.

Я не думала, что кто-то из медиков станет нести вахту у моей постели, тем более в выходные дни, но правильному Костику подобного рода сомнения и в голову не могли прийти. Сказали ему, что будут «наблюдать», значит, надо тихо лежать и ждать своей очереди.

– Хорошо, до вечера, так до вечера, – согласилась я. – Костик, мне вот тут подумалось, что хоть наша свадьба опять не состоялась, но нам, наверное, на этот раз внесли все нужные пометки в паспорта и выписали свидетельство? Соответственно, мы все равно стали супругами, хоть и не расписывались в амбарной книге, ведь теперь твоей маме ничего не было известно, и она, как в прошлый раз, не могла подкупить работников ЗАГСА.

В прошлый раз она действительно договорилась в ЗАГСЕ, и наши паспорта остались девственно чистыми. На этот раз мамаша осталась в неведении, и нам вполне могли оформить все надлежащие бумаги и поставить штампы в паспорта. Но стоило мне завести этот разговор, как физиономия моего почти мужа вытянулась, нос заострился, глаза забегали, а губы вытянулись трубочкой. Он мог даже ничего не говорить.

Мне было ясно – ничего не получилось и в этот раз. Прав был Громов – чтобы избежать Потопа или Всемирного Взрыва, нам с Костиком лучше прекратить свои брачные попытки. В первый раз я отделалась публичным позором, второй – легкими травмами, неизвестно, что может произойти при третьем заходе.

– Ксения, я не знаю, что происходит, это не поддается пока логическому объяснению, – завел он трагическим голосом. – Ты только не волнуйся, наши документы из ЗАГСА пропали!

Ах, как умно сказал и про логическое объяснение, и про то, что это только «пока», а дальше все станет понятно! Я оценила. Но боюсь, что на деле все окажется несколько сложнее, чем ему представляется.

– Костик, что значит пропали? Это же не консервы, чтобы им протухнуть? Или ты имеешь в виду, что они исчезли? Но такого просто не может быть!

Паспорта мы должны были доставить в ЗАГС во вторник, Костик по какой-то причине этого сделать не мог, поэтому их завозила я. Даже при моей феноменальной забывчивости, я не могла ничего перепутать и оставить их, к примеру, в приемной мера или пристроить в домоуправление. Я точно помню, что отдала паспорта тетеньке в ЗАГСе, и не просто какой-то там уборщице, а специальной тетеньке, сидящей за специальным столом с соответствующей табличкой «Прием документов на регистрацию брака». Она мне выдала квитан-

цию, подтверждающую этот факт. Где эта бумажечка я не помню, должно быть в сумочке. А где сумочка?

– Все это очень странно, и я этим обязательно займусь, как только ты выйдешь из больницы, – заверил меня Костик.

Могу себе это представить! На мой взгляд Костик органически не способен беседовать с бюрократами, партократами и работниками госучреждений. Это же особая каста, которая плохо понимает нормальный русский язык и всегда говорит не то что думает и делает не то что обещает. О господи, теперь надо будет восстанавливать паспорт, хорошо, что у меня в паспортно-визовой службе подружка работает, она мне паспорт уже два раза меняла. Я все время где-то теряю эту красную паспортину и приходится напрягать Аленку. Но может еще все обойдется...

– Значит, мы с тобой не муж и жена? – уточнила я на всякий пожарный.

– Нет, – признался Костик и пошел весь пятнами. – Документы пропали до того момента, как их начали оформлять для регистрации брака.

Страшно сказать, но я почувствовала облегчение. Конечно, это большое свинство, что кто-то вмешивается в нашу жизнь. Но может, это само провидение? Слава Богу, Костик не стал тут же договариваться со мной о следующей дате нашей свадьбы. Наверное, понял всю неуместность такого заявления. Но боюсь, что я бы немедленно ему отказала. Я придерживаюсь золотого правила Настоящей Женщины –

уступи в мелочи, выиграешь в крупном. Но моя жизнь – это не мелочь, поэтому никаких свадеб, пока некто желает меня укокошить.

В палату вошла медсестра, и Костик поспешил ретироваться, наверное, чтобы не мешать ей за мной «наблюдать». Но медсестра наблюдать не стала, избавила меня от капельницы и пообещала принести обед в палату. Я попросила ее вручить цветы дежурному врачу, она криво ухмыльнулась, кивнула и прихватила вонючки с собой. И тут веселым смерчем в палату ворвалась Ритка.

– Привет, крошка, я от доктора. Сейчас тебя осмотрят и отпустят восвояси. Только тебе еще придется пообщаться с каким-то ментом, он уже идет сюда. Вместе с доктором. А я вперед побежала, чтобы их опередить! – задыхаясь, выпалила она с порога.

Я даже слово не успела сказать, как дверь открылась, и внутрь проник худенький мальчик в салатной робе со «слушалкой» на шее и неестественно высоким колпаком на голове. За мальчиком попытался сунуться мужик, который едва не получил по носу, потому как медик проворно захлопнул за собой дверь. При виде Марго, гарцующей по палате, мальчик сурово нахмурился и сказал неожиданным басом:

– Я же вам сказал, что посетителей не пускаем!

– Ага, мне нельзя, а Костику можно? – надулась подруга.

– Какому Костику, что вы голову мне морочите? Это вам больница, а не проходной двор!

– Больной нужны положительные эмоции, – упорствовала Ритка, – а вы меня выгоняете, хотя мента сейчас запустите!

– Послушайте, мне лучше знать, кого и когда пропускать к своим пациентам, – обиженно пробасил мой лечащий врач.

– Лучше бы вам было известно, что надо, а чего не надо вкалывать вашим пациентам! – отбрила Ритка.

Я тихонько хихикала, наблюдая со стороны этих бойцовских петухов. К сожалению, хоть моя Маргошка и была остра на язык, на стороне докторишки было его служебное положение. Пришлось подруге ретироваться. А доктор с важным видом победителя начал осмотр больной, то есть меня. В ходе осмотра мы пришли к мнению, что мои дела совсем неплохи, а даже очень хороши.

– Чувствую себя гораздо лучше, чем до аварии, – сообщила ему доверительно.

– Да, а что вас беспокоило до аварии? – встрепенулся доктор.

– Ничего. Это анекдот такой есть. Новый русский на «джипе» сшиб телегу. И, видя, что лошадь, которая была в нее запряжена, бьется в ужасной агонии, вытащил пистолет и пристрелил животное. После чего подошел к вознице и поинтересовался, как тот себя чувствует. Перепуганный до смерти мужик поспешил его заверить: «Спасибо, гораздо лучше, чем до аварии!»

Мой искрометный юмор доктору не понравился, он скривился и неопределенно хмыкнул, после чего сообщил но-

вость от Полишинеля, что сейчас ко мне заглянет на пару минут представитель правоохранительных органов. Я не стала возражать, каких-то пару минут всегда можно выкроить для выполнения гражданского долга, тем более что отвертеться от общения со следователем мне никто бы и не позволил. Воспоминание о вчерашней находке в гараже меня несколько нервировало, но я себя утешала тем, что, скорее всего, мне в данный момент разоблачение не грозит. И действительно, следователь оказался вполне приличным дядечкой. Капитану Бочкареву было на вид около сорока, но может быть и меньше, я не слишком хорошо могу определять, сколько человеку лет. И внешность у него была вполне заурядной, ничего угрожающего.

– Ну что, Ксения Робертовна, расскажите мне, пожалуйста, о происшествии, какие-нибудь подробности о машине и водителе, который совершил на вас наезд, – присев на скрипящий стул, поинтересовался капитан.

– Да, собственно, ничего особенного, – поморщилась я. – «Победа» облезло-белого цвета, с длинной антенной. Водитель был в кепке и в темных очках, думаю, он маленького роста, потому что едва выглядывал из-за руля. Первая цифра номера «пять». Это мое любимое число, поэтому я его автоматически запоминаю в ценах, номерах телефонов, адресах и так далее.

– Ого, сколько всего вы запомнили! – похвалил меня Бочкарев. – А приbedнялись, что память плохая!

– Память у меня хорошая, с наблюдательностью – беда, и потом все очень быстро случилось. Хлоп, и я лечу. Я и разобрать не смогла, откуда эта развалюха взялась.

– Эта развалюха, как вы изволили выразиться, взяла старт с парковки парикмахерской, которая расположена на три дома раньше ЗАГСА, – проинформировал меня Бочкарев. – Мы опросили персонал и выяснили, что машина стояла там около четверти часа. Водитель подпер «Шкоду» клиентки, поэтому на его «тарантас» обратили внимание. Когда хозяйка иномарки попросила освободить проезд, водила даже разговаривать с ней не стал. Но все же «Победа» выпустила «Шкоду» и снова на ее место встала, значит, вас дожидалась. Камер там нет, поэтому личность шофера пока установить не удалось, вы не переживайте, мы его найдем.

– А я и не перживаю. Только почему вы решили, что водитель ждал именно меня? Может, я случайно на пути оказалась? – спросила я.

– Водитель «Победы», совершив наезд, бросил автомобиль на соседней улице, – строго сказал капитан, словно я пыталась выгородить преступника.

– Может быть, это был угонщик, который потом испугался и сбежал, бросив машину, – выдвинула я свою версию.

– «Победу», действительно, угнали от подъезда, когда хозяин зашел к себе в квартиру принять лекарство. Машина принадлежит пенсионеру Демьянову, проживающему по улице Короленко, а это не так далеко от Дворца бракосоче-

таний, – признался следователь. – Но угнали ее предположительно для того, чтобы совершить наезд именно на вас.

– Почему вы так решили? – поразилась я.

– Потому что такие машины не угоняют, их хозяева бы и рады, чтобы их кто-нибудь украл, чтобы не платить за утилизацию. Но нет, никому они и даром не нужны, никто не соблазнится, даже торчащими в замке ключами. Дедок это тоже знал, поэтому и не боялся бросать под окнами свою развалюху незапертой. Кому она нужна? Поэтому давайте подумаем, кто желает причинить вам вред, – предложил доброжелательный капитан.

– Я бы и сама хотела знать, – пробормотала я.

– Что, простите?

– Я говорю, что понятия не имею! – повысила я голос. – У меня нет врагов, которые бы покушались на меня сами или нанимали убийц.

– То есть вы утверждаете, что не можете назвать ни одного человека, которого можно было бы заподозрить в подобном деле. Но назвать людей, с которыми конфликтовали в последнее время, вы можете?

– Не могу, – развела я руками, – я человек довольно мирный и ни с кем не конфликтую, обычно. К тому же звезд с неба не хватаю, поэтому мне никто не может завидовать. Я не плела интриги на работе, не состояла в пикантных любовных связях. От моей смерти нет никому выгоды, квартира и та на маму оформлена. А такую машину, как у меня, даже

врагу не пожелаешь! У меня «девятка» – старая корова...

– Скажите, а у вашего жениха ... Кстати, как его зовут? – перебил меня Бочкарев, которому была неинтересна версия зловредных наследников.

– Его зовут Коржиков Константин Матвеевич, – доложила я.

– Ага, так вот у него нет врагов, которые, таким образом, могли его наказать? – хитро прищурился он – Может быть, кому-то не хотелось, чтобы состоялась ваша свадьба?

– Костик – профессор, преподаватель, возможно, у него есть недоброжелатели и завистники, но в его среде к таким варварским методам не прибегают. Там процветают интриги и заговоры, но никак не убийства и автонаезды. Он никогда не был женат, и любовниц у него отродясь не водилось. Мне не известно, есть ли у него поклонницы среди студенток и лаборанток, во всяком случае, я не думаю, что такие имеются. А против нашей свадьбы могла быть только мать Костика, по ее мнению, я не подходила ее сыну. Но мы решили, что не будем ставить ее в известность, чтобы как раз избежать скандала.

– Чем именно вы были неуютны будущей свекрови?

– Прежде всего, происхождением, – поскуучнела я, – большие проблемы наблюдались с моим папаней. Сначала он пил и устраивал дома скандалы, заканчивающиеся иногда вызовом полиции, а потом и вовсе исчез. К счастью, мама успела с ним развестись. Как видите, у меня дурная наследствен-

ность. Да и мама тоже у меня не голубых кровей – простой советский инженер. А у Костика папа был юристом, причем, весьма известным в нашем городе, а дед был начальником плодоовощной базы, самой главной в крае.

– Понятно, – кивнул Бочкарев.

– Да нет ничего тут понятного, – не согласилась я. – За Костиком, знаете ли, я не бегала. Это он много лет тенью за мной ходил, пока я не поняла, что такую преданность нужно ценить. Мне нужны не его деньги, а его душевные качества. И не нужно на меня так смотреть! Я нормально зарабатываю и сама себя содержу.

– А я на вас и не смотрю, – усмехнулся следователь моему праведному гневу. – Вы все правильно говорите, замуж надо по любви выходить, а не ради денег.

– Да, звучит как-то так себе, – признала я. – Но это – правда. Не спорю, деньги иметь совсем неплохо. И то, что Костик не бедствует, тоже факт! Но я за него замуж шла вовсе не ради материальных ценностей.

Стало ясно, что разговор не заладился. Капитан похоже думал, что я – алчная стерва, поэтому меня и переехали доброжелатели моего жениха, чтобы я ему жизнь не испортила! И еще, кажется, он меня подозревал в укрытии информации. Все сверлил меня глазками. Хотя, возможно, я себя накручивала, ведь рыльце-то мое действительно в пушку!

– А как давно вы знакомы с женихом? – странным голосом спросил Бочкарев.

– Знакомы? – переспросила я. – Да, наверное, всю нашу жизнь, точнее, мою. Костик старше меня на десять лет. Мы с ним выросли в одном доме, только потом он купил себе и матери роскошные квартиры. А моя мама унаследовала квартиру своего брата, в которой теперь я и живу.

Мой собеседник что-то пометил в своем блокноте. И вдруг заинтересовался местом моей работы. Пришлось признаться в постигшей меня безработице. Это, конечно, добавило подозрений в том, что я пытаюсь охмурить богатенького Буратино, а кто-то ставит мне палки в колеса. Ну и ладно, пусть думает что хочет.

– Значит, вы не припомните никого, кто бы был настроен агрессивно по отношению к вам или вашему жениху, кроме будущей свекрови? – уточнил Бочкарев.

– Послушайте, Стелла Марковна – пожилая женщина, она никак не могла совершить на меня наезд. Особенно, если учесть, что для этого была угнана машина!

– Да никто и не говорит, что она это сделала. Кстати, а сколько лет пожилой женщине?

– Наверное, под семьдесят, может, и больше. Она скрывает свой возраст. Но Костик был у них поздний ребенок, уж не знаю, по каким причинам.

Капитан работал на совесть. Дальше он подробно записал имена всех свидетелей, как будто у него не было протокола с места происшествия. А также не поленился выяснить имена моей несостоявшейся свекрови и свекра. ФИО свекрови

я озвучила, после чего сообщила, что папа Костика полиции не доступен, так как умер три года тому назад. После чего Бочаров удовлетворил свое любопытство данными о бабушке, заострив внимание на том, что он все же был приглашен на свадьбу, значит, не все члены семьи жениха были против нашего брака. Пришлось признаться, что не все. Но после этой истории маманя меня возненавидят с еще большей силой. Еще бы, их Светлость станут допрашивать полицейские капитаны, и все из-за меня! Стелла Марковна будет в ярости.

Больше всего сыщика заинтересовало мое сообщение о пропаже паспортов из Загса. Похоже, он стопроцентно уверился в том, что следует искать человека, не желающего нашей с Костиком свадьбы. Мне же казалось, что это версия однобока, ведь был еще и труп в багажнике, о котором я подло умалчивала, вводя следствие в заблуждение. Впрочем, этот труп еще больше все запутывал.

После того, как капитан с пивной фамилией удалился во свояси, в палату завалил Громов. Он сообщил, что Ритка решила изжить со свету доктора и, если он не дурак, то меня скоро выпишет, чтобы избавиться от присутствия «въедливой казачки». Как только будут соблюдены все формальности, ребята отвезут меня домой. Пока подруга обрабатывала эскулапа, я пересказывала Громову наш разговор с милиционером.

– Чего ты валишь все в одну кучу? Почему не допустить мысль, что труп сам по себе, а наезд – это вообще из другой

оперы? Мент у нее однобоко мыслит! На себя посмотри! – критиковал меня Громов.

– Что-то многовато событий для одного дня, – попыталась я настоять на своем. – Тут тебе и срыв свадьбы, и мертвый Жаткин. Мне кажется, что это звенья одной цепи. Кто-то планомерно пытается свети меня с ума, точнее спровадить на тот свет.

– Не ерунди! Говорю тебе – это разные люди. Одному нужно было, чтобы ты возилась с трупом, а другому хотелось тебя пришить. У одного был пистолет, а другому пришлось спереть машину, чтобы с тобой разделаться. Улавливаешь разницу? Если бы был один и тот же, тогда бы тебя просто застрелили в твоём подъезде. Зачем ему рисковать и воровать тачку?

– Да, действительно странно, – протянула я. – А может, он не хотел меня убивать, а только покалечить?

– Покалечить «Победой», которая неслась на всех порах? Отличная идея! Да если бы не твоя феноменальная прыгучесть, то от тебя остались бы ножки да рожки! – вскипел мой друг.

– Какие еще рожки? – возмутилась я.

– Те, что тебе твой Костик наставил, – хохотнул Громов, – ведь кто-то же выкупил ваши паспорта в Загсе, или выкрал, иначе, куда бы они делись?

– Слушай, Громов, какая же ты скотина! Ты чего ее доводишь! – взъерилась Ритка, незаметно проскользнувшая в

палату.

В пылу спора, мы даже не заметили, как она материализовалась в палате. Мои друзья тут же сцепились между собой, как голодные псы за кормежку, и мне пришлось, как обычно, их разнимать. После того, как шум баталий немного затих, мы стали собираться домой. Ритка выиграла войну с медперсоналом, и теперь я была официально свободна. Я чувствовала себя превосходно, если не обращать внимания на синяки и легкое головокружение, поэтому жаждала очутиться подальше от больничных стен, пока меня тут до смерти не залечили. Выяснилось, что после того, как меня забрала скорая, Ритка мою машину отбуксировала на стоянку. Сейчас они с Громовым приехали вместе на «Ситроене», видимо, их сплотила общая беда – я. Ни при каких других обстоятельствах эти двое не могли сосуществовать мирно, они постоянно грызлись и препирались, но не всерьез, просто у них сложилась такая форма взаимоотношений. По дороге я несколько раз набирала номер сотового Костика, но бот противным женским голосом вещал, что абоненту плевать на мои потуги дозвониться.

– Связь ни к черту, – констатировала Ритка.

– Я тоже всегда телефон отключаю, чтобы Клава не названивала, когда я гощу у Тани, – глядя в окно, обронил Громов.

– Слушай, не все же такие кобели, как некоторые! – тут же взвилась Маргошка.

– Кому ж это знать, как не тебе, – невозмутимо ужалил

Громов.

– Брейк! – замахала я руками.

Это была самая больная тема для Ритки, у которой из-за мужниного предательства пошла вся жизнь наперекосяк. И Громов, конечно, вообще нюх потерял, если позволяет так далеко заходить.

Когда подъехали к моему дому, Громов повел меня в квартиру, а Рита погнала «Ситроен» на ближайшую стоянку, так как решила, что эту ночь переночует у меня. Квартира у меня на первом этаже, поэтому у меня нет проблем с подъемом тяжелых сумок при ломающемся лифте, зато возникают проблемы с канализацией и ворами. Первое – это стихийное бедствие, и от него никак не застрахуешься, а от второй напасти спасают крепкие решетки не только на окнах, но и на балконе. С ними, конечно, безопасно, но темновато, ибо под окнами буйствовала бурная сиреневая поросль. А вообще, мне моя квартира очень даже нравится, и кусты сирени нравились, и крохотный дворик с покосившимися лавочками, на которых из года в год, при любой погоде заседали старички со старушками, тоже нравился.

Я всегда стремилась к самостоятельности. А когда у мамы появился кавалер (так она называла в свое время моего будущего отчима), я съехала на съемную квартиру. С дядей Сашей у меня сложились отличные отношения, но мне не хотелось их смущать, живя в смежной комнате крошечной «двушки», поэтому стала поговаривать о съемном жи-

лье. Мама упиралась, страдая от мысли, что она «выгоняет единственную дочь из родного дома». Но я сумела настоять на своем, и вскоре переехала в «малосемейку», которую мне в полцены сдавали друзья дяди Саши. И чаще всего он за эту площадь и платил, потому что у меня вечно не хватало денег. Но потом умер мамин брат, и нам досталось двухкомнатное наследство в центре города. Таким образом, я обзавелась собственным жильем.

Поколдовав у двери с замками, я широким жестом распахнула дверь и пропустила вперед гостя, то есть Громова. Он себя гостем не чувствовал, поэтому по-свойски потопал в столовую. Навстречу мне вальяжно выплыл мой кот Бегемот – роскошный тигровый перс. На морде было написано глубокое презрение по поводу моего длительного отсутствия. И хотя Ритка явно заскакивала его покормить, он все равно был недоволен поведением хозяйки. Я засюсюкала ласковым голосочком про то, что Мотеньку люблю и по Мотюнечке соскучилась, но он непримиримо крутанулся, вильнул пышным хвостом и прошествовал в комнату, я поплелась за ним.

В моей квартире не хватает одной стены. Кухней я пользовалась очень редко, поэтому решила, что она занимает слишком много места и для расширения площади снесла стену между ней и залом. О, эти барские замашки меня никогда бы не посетили, если бы не проводка. Она сгорела самым подлым образом, и я получила некое понятие, каково это жить в аду. Потом я решила, что раз и так погром, то надо еще и

стену снести. Целый месяц шли ремонтные работы, и я была близка к умопомешательству, когда это, наконец, прекратилось. Зато теперь все очень мило. Большая комната стала еще больше. В углу, в своеобразном шкафу-купе, прячутся печка, мойка и холодильник. Когда мне приходит в голову похозяйничать, я раздвигаю панели и являю на свет божий мою мини-кухню. В остальные дни эта комната играет роль гостиной. Старую мягкую мебель преобразили разноцветные сатиновые чехлы и множество подушек. На стенах разместились картины Ритки, написанные ею в ту пору, когда ей казалось, что из нее получится художник-абстракционист. Но мне они нравились, а главное – ни у кого ничего подобного не было. С допотопных секретера и комода – бабушкиного наследства – мы с Громовым содрали три шкуры, покрыли морилкой и лаком. Получилось очень даже ничего. А ковер мне подарила мама, он у нее висел на стенке и собирал пыль со всей квартиры, теперь лежит у меня на полу и украшает мое жильё. Телевизор «Sony» мне на «входины» подарил дядя Саша. Так я и стала девушкой, обеспеченной приличным жильем.

– Ну, Аверская, у тебя не только шеф в багажнике представился, но и мышь в холодильнике повесилась, – доложил Громов, вылезая из моего «кухонного купе». – Кроме «Киткетов» и «Вискаса» – шаром покати!

– Что ж у тебя такой черный юмор? Я же слабый пол, меня же надо подбадривать и утешать. А ты издеваешься! – посе-

товала я. – А еда у меня есть, зря наезжаешь.

– Да, только ты ее в комоде от воров прячешь?

– А вот и нет, у меня есть яйца и шпротные консервы, а это считается едой! – упорствовала я.

– Ну да, ну да! Что ж это я девушку обидел! – схватился за голову Громов.

Нашу перепалку прервал звонок в дверь. Пожаловала Ритка с полным пакетом продуктов, она додумалась по дороге заглянуть в супермаркет, поэтому по комнате расплылся запах копченой курицы. На запах прибежал Бегемот, который терпеть не мог молочные продукты, не переваривал рыбу, зато обожал курочку во всех видах. А хозяйственная Маргошка уже выкладывала на тарелки, подsunутые Громовым, зелень, помидоры, огурцы. Бегемот хотел удостовериться, что с ним поделятся, поэтому завел тоскливым голосом жалобную песню.

– Угомонись, животино, дам я тебе курочки, – заверила его Ритка.

Мягкий лаваш и пластиковые коробочки с салатами довершили полноту картины. Но тут я решила внести свою лепту и вытащила из буфета бутылку «Кинзмараули».

– Вах, вах, вах! Какой ужин, слюшай! – на грузинский манер зацокала языком подружка.

– Открой, Громов! – скомандовала я, доставая бокалы.

Через пять минут мы смогли выпить за мое чудесное спасение, а потом за успешный исход дела, а потом за друзей,

без которых никуда в этой жизни. Мне сразу стало как-то приятнее смотреть на белый свет, вино пробежалось по моим жилам и разогнало скопившуюся там хандру. Бегемот сидел с нами за столом, то и дело заглатывая лакомые кусочки, которые мы в четыре руки скармливали ему с Риткой. Громов только головой качал неодобрительно, но не вмешивался, знал, что ему с Бегемотом лучше не тягаться.

– Ну а теперь девочкам пора в кроватку, – отбирая у разомлевшего Громова тарелку с куриными костями, заявила Ритка.

Ясное дело, ей хотелось без свидетелей обсудить, куда прятать нашу добычу и что дальше с ней делать, а Громов мешал. Просвещать его по поводу нашей находки она категорически отказалась, поэтому я промолчала. И потом, я уверена, что Громов стал бы стучать себя по лбу и орать, что мы идиотки, и нам теперь крышка, и он жалеет, что вообще с нами познакомился. Зачем все это моей издерганной нервной системе? Я и так знаю, что только полные дуры поступили так, как сделали мы, но ничего теперь не исправишь, остается уповать на чудесный исход дела.

– До чего ты баба вредная, – посетовал Громов, провожая Ритку глазами, – через это у тебя и личная жизнь не складывается.

– Я как-нибудь со своей личной жизнью сама разберусь, без твоих комментариев, – отрезала подруга и выхватила у зазевавшегося мужика бокал.

– Эй, там еще вино осталось! – возмутился он.

Вино это грузинское, значит, надо каплю оставить в бокале для того, чтобы твоя чаша никогда не пустовала! – нашла Ритка и выплеснула остатки в раковину.

– Ксенька, ты куда смотришь, твоя подруга произвол творит, а ты и глазом не ведешь! – возмутился Громов.

– Вы мне оба надоели этими стычками, – устало сказала я, – все, сейчас иду в ванную и на боковую.

– Ну ясно, – пробурчал Громов, – мавр сделал свое дело, мавр может уходить.

– Громов, постыдись! Мне сейчас не до посиделок и не до дружеских вечеринок. Я только слезла с больничной койки...

Бегемот неприязненно покосился на Громова, уловив, из-за кого сыр-бор начался. Мой кот не любил разговоров на повышенных тонах.

– Да ему-то что? Хоть подыхай, а если мужик не навеселился, надо вокруг него хороводы водить! – влезла муженевистница Ритка.

Не известно до чего бы мы договорились, если бы в дверь опять не позвонили. Это был Костик. Я сильно удивилась его визиту, обычно он в такое позднее время старался оказаться дома, поставив предварительно машину в гараж. Он всегда ратовал за размеренный порядок дня. Выглядел мой профессор, мягко скажем, странно.

– Между прочим, мы договаривались, что из больницы те-

бя заберу я, – с места в карьер начал он.

– Дорогой, не надо так кипятиться, – удивленная его нервозностью начала я, – ну забрали меня ребята, что с того?

– Не перебивай меня! – возмутился он. – Я, как дурак, посреди ночи мчусь за тобой в больницу, бегаю по этажам, ищу доктора, а потом выясняется, что тебя забрали твои друзья!

– Костик, у тебя телефон не отвечает, – вмешалась Ритка, не терпевшая напрасных обвинений – Ксюха звонила, но ты был не доступен.

– Маргарита, – ледяным голосом возвестил мой несостоявшийся муж, – я бы попросил тебя не вмешиваться, когда мы с Ксенией беседуем.

Громов почувствовал, что пахнет жареным, и поспешил смыться. Пожав торопливо руку Косте, он помахал мне и юркнул за дверь. По лицу Ритки было видно, что она из последних сил пытается удержать себя от кровопролития, но получится ли у нее, было непонятно. Я встала в позу «Что ты себе позволяешь», осознав, что сейчас разгорится наш первый «семейный» скандал. Обычно либо Костик со всем соглашался, либо нудил, навязывая мне собственную точку зрения, сдабривая ее при этом многочисленными аргументами. На открытый конфликт он не шел никогда, тем более в присутствии посторонних. Это же дурной тон – выяснять отношения на людях! А Костик был слишком воспитан, чтобы снизойти до подобной вульгарщины. Сегодня же в лесу сдохло что-то крупное, потому что Костик метал громы и

молнии, и куда подевалась его знаменитая ледяная выдерж-ка. Он явно хотел скандалить.

– Конечно, зачем утруждать себя выполнением обещаний, зачем ждать меня, когда приехали твои любимые друзья? Правильно, незачем! А я, как дурак, бегай по больнице! Кто такой этот Костик, чтобы с ним считаться?! Как прибежит, так и убежит, тем более что бегаёт на коротком ремешке!

– Костик, сбавь тон! Я тебе звонила, а у тебя телефон был отключен, поэтому нечего на меня наезжать!

– Я это уже слышал! Это такая же отговорка, как и все остальные! И теперь мне все ясно! Ты в своем репертуаре, я даже не удивлен! Эгоистична, как всегда!

– Да что с тобой, Костик?! – воскликнула я в сердцах, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться.

И так как наша «беседа» протекала на пороге моей квар-тиры, то ничего не помешало его эффектному уходу. Костик, облив меня презрением сквозь свои очки, круто развернулся и ушел, хлопнув дверью. Некоторое время мы стояли с Рит-кой молча, с вытянувшимися лицами, и пялились на закры-тую дверь. Но тут с шипением мимо нас пронесся Бегемот: спина дугой, шерсть дыбом, глаза вытаращены и скачет бо-ком. Не иначе, как нечистую силу увидел.

– Полный отпад! – выдавила из себя подруга.

– Ты только что была свидетелем первого скандала, кото-рый закатил мой ботаник! – растерянно сказала я.

– Математик, – поправила она, – или ты в том смысле, что

тюфяк?

– Отвали, – вяло отмахнулась я и потопала в ванную.

Это был какой-то бесконечный день. Все эти тревобления, обрушившиеся на мой неподготовленный к лишениям организм, вызывали беспокойства. Похоже, кто-то пустил с молотка мою размеренную жизнь. А вдруг психика не выдержит? Меня с детства оберегали от стрессов. Фраза «Девочка не должна волноваться» была ключевой в нашей семье. Когда буйствовал папаня, мама отвозила меня к бабушке, которая в то время жила с младшим сыном, то есть маминым братом. Ребенок не должен наблюдать сцены семейного насилия! А под боком у бабушки не было никакого насилия, она кормила меня пирожками, читала мне Жюль Верна и играла со мной в «Дурака». Дядя, убежденный холостяк, работал вахтенным методом, до сих пор плохо понимаю, в чем заключалась его работа, но главное, что он по несколько месяцев проживал на Севере, потом приезжал на какое-то время в отпуск и снова улетал в холодные края. И нам с бабушкой жилось довольно спокойно, когда наступала необходимость спасти мою психику. Она умерла уже после развода моих родителей.

Помнится, бабушка была довольна тем, что дочь, наконец, сумела расставить точки над «и» в своей личной жизни. «Ксюша, выбирая себе мужа, не допусти маминой ошибки, не выходи замуж за слабого мужчину», – повторяла она мне. И я обещала ей, что найду себе сильного мужа. Бабуш-

ка обычно улыбалась и качала головой.

Квартира, служившая мне долгое время убежищем, перешла в полное ведение дяди. Мамин кавалер появился позже, когда я смогла уже адекватно оценивать события, соответственно их отношения не стали для меня чем-то болезненным. Но мама, все равно переживала, пока я не заверила ее, что дядя Саша мне очень даже нравится. Чтобы не нервничать по поводу успеваемости – я хорошо училась, чтобы не страдать по поводу мальчиков – я не влюблялась. Свою нервную систему я берегла, как завещали мне взрослые, и нервные клетки по пустякам не тратила.

К сожалению, от жизни нельзя предохраниться, как от беременности. На каждом углу человека поджидают тысячи неожиданностей, сотни неприятностей и десятки неясностей. Я не стала исключением, и как ни старалась подстелить себе соломки, все равно наварила положенное мне количество шишек и наступила на припасенные для меня грабли. И каждый раз я волновалась за свою психику. Выдержит ли она? Наверное, это опасение передалось мне от мамы. По ее мнению, мой папенька обладал не самым лучшим набором хромосом, а мама слишком поздно распознала в нем неудачного родопродолжателя, к тому времени у них уже родилась дочурка. Иными словами, она боялась моей дурной наследственности, поэтому я даже алкоголь в ее присутствии не пила, чтобы не пугать. И всю мою сознательную жизнь во мне культивировалось то, что досталось от мамы, и уничто-

жалось на корню то, что, возможно, было от папы.

Проведя привычное обследование своего внутреннего мира, я решила, что мыслю конструктивно, эффективно и, как не странно, позитивно. Несмотря на то, что кто-то решил упечь меня в тюрьму за убийство, отправить на тот свет и помешать моей свадьбе, я не собираюсь сходить с ума или ударяться в панику. Неплохо. Значит, будем жить дальше. В дверь затарабанила Ритка, которая изнывала там без человеческого общения. Я поняла, что лучше выйти, пока она не взломала хлипкую преграду в виде задвижки.

– Ты чуть себя не смылила! – заметила она с укоризной.

– Риточка, я хочу спать и не хочу разговаривать, – сделала я слабую попытку избежать заседания штаба.

– Ты что, из-за ботаника так расстроилась? Так плюнь, Ксюшик, завтра прибежит, будет в ногах ползать. Это же твой верный и преданный Тузик, просто на него магнитные бури действуют. А я нам уже кофейка сварганила.

Ритка искренне не понимала, как можно убиваться из-за мужчин. У нее была богатая событиями жизнь, в которой мужчины менялись, как картинки калейдоскопа. Даже тот, кто едва не свел ее с ума был ею наказан, да так, что до сих пор мается по белому свету, не зная где схорониться! В этом отношении с нее следует брать пример всем женщинам, считающим себя действительно слабым полом. От кофейка отказываться было грех. И я послушно потопала в гостиную, уютно устроилась на диване среди подушек и с благодарно-

стью приняла от подружки чашечку с ароматным напитком.
Как хорошо дома!

Глава 3

Мир перевернулся. Только-только я взялась за ум и перестала думать, что моя настоящая жизнь начнется завтра, а сегодня можно как-нибудь перетоптаться и потерпеть. Только решила, что пора перестать валять дурака в ожидании персонального принца, и согласилась стать женой Костика. И на тебе, пожалуйста, мир перевернулся, и я оказалась в эпицентре аномальных явлений. Все эти мысли вихрем пронеслись у меня в голове, когда я осознала себя в действительности на следующее утро. Кто-то тянул меня за ногу. Опять эти странности. Я живу одна, так кто же это, черт побери, мешает мне спать? Пришлось приоткрыть левый глаз.

– Привет, соня, и пока! – поприветствовала меня Ритка. – Я в студию, у меня сегодня кастинг, который пропускать никак нельзя, потому что это последняя надежда найти третью девочку для «Ред Моделс». Освобожусь к обеду. Ты тут без меня не скучай!

– Ладно, не буду, – буркнула я и попыталась залезть с головой под подушку.

– Эй, ты не забыла, о чем мы вчера договорились? – взволновалась вредная Маргошка.

– Нет, я прекрасно помню, что ты вчера была невыносима. И я, конечно, не злопамятная, но с памятью у меня все в порядке, поэтому я тебе страшно отмщу за то, как ты меня,

бедняжечку, пыталась до зари и разбудила на рассвете.

С этими словами я села на кровати, сообразив, что сна не осталось ни в одном глазу. Ритка крутилась перед зеркалом, не испытывая ни малейшего сожаления по поводу того, что прервала мой сладкий сон. Во всяком случае, по ее виду никак не скажешь, что она вообще чем-нибудь озабочена.

– Я покормила твоего троглодита, – сообщила она мне, наблюдая, как сытый и довольный Бегемот умащивается на кровати.

Надо отдать должное подруге: несмотря на то, что мы проболтали полночи, выглядела она свежей и прекрасной, как утренняя заря. Видно, по случаю кастинга она облачилась в приличную одежду – мой розовый костюм, а не в свои дизайнерские штучки.

Помимо того, что Ритка была состоятельной женщиной с солидным банковским счетом, так она еще имела собственную студию мод и модельное агентство, которые носили одноименные названия «Королевство Марго». Как говорится, скромно и со вкусом. Впрочем, положила руку на сердце, со вкусом у Ритки и на самом деле было все в порядке, поэтому за пять лет проживания в нашем городе она сумела прославить свое имя. Причем слава эта была чистая и светлая, а принесли ее показы мод, конкурсы красоты, ежегодные фестивали профессиональных манекенщиц, популярные кастинги, после которых отобранные девушки разъезжались по европейским модельным агентствам. Даже на самых крутых

городских тусовках котировались наряды от «Марго».

– Все, я улетела! – жизнерадостно сообщила Ритка и действительно исчезла со скоростью звука.

– Ну и я поползла в душ, – пробормотала я себе под нос.

В отличие от подружки, выглядела я как запойная бабенка: мешки под глазами, кожа приятного лимонного цвета, всклокоченные волосы, отмыть я их вчера от остатков свадебной прически отмыла, а уложить сил не хватило. В общем, это было не самое замечательное утро на свете. Тем более что выспаться как следует и то не получилось. Посреди ночи в дверь неожиданно позвонили. Мы с Риткой подорвались от неожиданности, Бегемот зашипел и спрятался под диван, а звонок верещал, как взбесившийся. Ритка помчалась к двери, поглядела в глазок, но звон оборвался так же внезапно, как и начался. И, кроя шутника на чем свет стоит, она вернулась в постель. Оказывается, на лестничной площадке было пусто. И только мы уснули, как какая-то скотина позвонила по телефону. Я поаллокала и хлопнула трубку на аппарат, который тут же снова зазвонил. Ритка выругалась и выдернула шнур из розетки.

Я затосковала, эти глупые звонки, словно звенья цепи иррациональных событий, которые происходили вопреки нормальной логики. Но утешила себя тем, что завтра все будет по-другому. Я всегда так делала, когда что-то не ладилось, я говорила себе: этот день пройдет, и наступит следующий, и если этот день выдастся неважнецким, то завтра он никак

не сможет повториться! Вот такая философия самоутешения. Единственный неприятный момент заключался в том, что этот самый «неважнецкий» день, как ни крути, а следует прожить от начала до конца.

– О-хо-хо, грехи мои тяжкие! – вздохнула я, вспомнив о наших с Риткой планах.

Вчера мы с Риткой пришли к мнению, что без самостоятельного расследования нам не обойтись. «Не время сопли размазывать! Будешь ныть и морализировать – все покатится в тартарары. Будешь думать и действовать – все сложится так, как ты захочешь!» – заявила Ритка сурово, пресекая мои попытки переложить поиски убийцы на плечи полиции. И я решила, что выбора у меня нет, тем более я не была полностью искренней с представителем правоохранительных органов, а за такое по головке не гладят. Но самое главное, у полиции нет полной картины того, что стало происходить в моей жизни, а значит, они и не смогут меня защитить. Винить себя я не собиралась, пардон, но это меня втянули в грязные игры, в которых такие же грязные правила, и чтобы выжить не приходится ничем гнушаться.

За ночь мы с Риткой чуть головы себе не сломали, пытаюсь понять, откуда у моего бывшего шефа это ожерелье, но так ни к чему и не пришли. Я долго выдвигала разные версии, чтобы связать драгоценности с убийством, очень уж хотелось упростить задачу. Но у меня ничего не вышло. Ритка наоборот с пеной у рта доказывала, что эти вещи несов-

местимые. И ей казалось, что это большой плюс, с ее точки зрения, если убийца не связан с бриллиантами, тогда и искать их у нас не станет. Пришлось согласиться с выводами Громова и Маргошки в том, что за мной ведут охоту разные хищники.

После долгих дебатов мы пришли к выводу, что есть человек, который придумал, как сделать для меня небо с овчинку, засунув багажник моей «девятки» труп моего бывшего шефа. А есть человек, который не хочет, чтобы мы с Костиком поженились. Сначала он выкупает наши паспорта, а затем для пущей убедительности сшибает меня машиной. Первый человек не хотел моей кончины, он уготовил мне небо в клеточку, зато второй был совсем не против отправить меня прямиком к праотцам.

Легче от этого не становилось, получалось у меня не один, а целых два лютых врага, которые ни перед чем не собираются останавливаться. Господи, когда же это я так сумела напакостить людям, что они вспыхнули ко мне столь сильными чувствами?

После контрастного душа я окончательно пришла в себя. И чтобы завершить процесс пробуждения к жизни, сварила себе крепкий кофе. Я сидела в своей уютной гостиной, завернутая в любимый махровый халат, потягивала густой и сладкий кофе и думала о том, что где-то там, в недрах города, ходят два человека, источающие черную ненависть по отношению ко мне. Под боком урчал Бегемот, который искренне

радовался моему пребыванию дома, видимо, он простил мне мое вчерашнее отсутствие и теперь демонстрировал полное дружелюбие. Поглаживая мохнатый животик своего кота, я с горечью думала, что совершенно не заслужила такого поворота дела. Жила сама по себе, никогда никому не делала гадостей, так откуда взялись эти самые враги? Мне даже невдомек, кто они такие. Могу столкнуться с ними лицом к лицу и не понять, что это мои заклятые недруги, которые дорого за мою смерть не возьмут. Да, Аверская, дожилась.

И все-таки, почему убили именно Жаткина? Меня прямо-таки изводил этот вопрос. Если исходить из нашей теории о том, что убийство было совершено только для того, чтобы подставить меня, то могли убить кого угодно! Почему выбор пал именно на моего бывшего шефа? Убийца знал о том, что меня выгнали с работы, а я грозила пришить шефа, и поэтому он решил, что Жаткин – лучший кандидат на роль трупа в моей машине? Но это полная чушь! Мы с шефом не ладили, о'кей. Но ведь тут ничего криминального нет, каждый день в нашем миллионном городе кто-то кого-то увольняет с работы, и подчиненный при этом не пылает любовью к начальству. С другой стороны, разве можно найти логику в поступках человека, который сотворил такое со мной, не говоря уже о Жаткине? Для него человеческая жизнь ничего не стоит, и это уже ненормально, так как можно ждать, что в остальном убийца будет вести себя как обычный среднестатистический человек?

Я попыталась отогнать эти заковыристые и непродуктивные мысли. Встала с дивана, чем вызвала крайнее неудовольствие Бегемота: куда пошла, мы с тобой так славненько сидели? Не удержавшись, я вернулась и смачно чмокнула его в нос. Бегемот аж задохнулся от возмущения, скривился и фыркнул. «Что ты себе позволяешь, совсем сбрендила?» – было написано у него на морде.

Занявшись макияжем, я стала настраивать себя на позитивную волну – нужно было сосредоточиться на воплощении в жизнь наших с Риткой замыслов. Во-первых, требовалось обезопасить себя от любителя сшибать невест на краденых автомобилях. Мы решили, что этот сумасшедший может предпринять еще одну попытку маня укокошить, а где гарантия, что мне опять повезет? Каким-то образом этот человек связан с Костиком, значит, надо довести до его сведения тот факт, что я передумала выходить замуж за Коржикова. Как это сделать? Да очень просто – сказать Костику, что свадьбы не будет. Я постараюсь объяснить ему, к каким выводам пришла в связи с этими событиями, и попрошу его на всех углах раструбить о нашем разрыве. Таким образом, я огражу себя от очередного нападения, а то кто его знает, на что способен этот тип! Во-вторых, надо, во что бы то ни стало, выяснить, кто выкупил документы в ЗАГСе. Однозначно этот человек имеет непосредственное отношение ко всем этим ужасам, обрушившимся на меня. Соответственно, надо пойти к заведующей и устроить скандал, пригрозить по-

лицией. В конце концов, я могу и в суд на них подать! Костик же ничего этого делать не станет, ему там чего-нибудь наплетут, и он уйдет несолоно хлебавши.

Целых полчаса я перетряхивала сумки, ящики столов и секретеров в поисках бумажки, подтверждающей факт того, что паспорта я все-таки сдавала. Ее мне выдала в загсе запаренная посетителями тетка, сидящая на приеме заявлений. Я тоже была вся на нервах от бесконечных пробок на дорогах, жары и барахлящей «девятки». Поэтому наше общение свелось к минимуму. Я сунула ей документы, она нацарапала что-то на бумажках и всучила их мне. Дальше провал. Куда я сунула эти самые бумажки, хоть убей, не помню. Может в барадачке в машине? В конце концов, я решила, что надо поехать пообщаться с сотрудниками. Я плохо запомнила тетку, которой отдала документы. Но хорошо помню, что передо мной записывалась молодая пара, невесту звали Элеонора, а у жениха была фамилия Свинкин. Я еще пожалела девочку, которой предстояло стать Элеонорой Свинкиной. Глядишь, можно будет восстановить хронику событий.

Все попытки разыскать Костика успехом не увенчались: на работе его не было, домашний телефон настоятельно предлагал мне оставить сообщение. Первый раз я купилась и сказала Костику, чтобы тот взял трубку, если он дома. Во второй раз я просто отключилась. Сотовый отвечал долгими гудками: или он его где-то забыл, или просто не желал со мной разговаривать. Ну и плевать, на обиженных воду во-

зят! Хочется ему себя вести, как нервному подростку в период гормональных взрывов – пожалуйста. Я решила изменить порядок своего расписания на сегодня. Через час я прибыла на такси к ЗАГСу, решив, что пока за руль «девятки» садиться не готова.

К заведующей меня сразу не пустили, пришлось проторчать четверть часа в приемной, но просто так они от меня не отделаются, поэтому я уселась, как сторожевая собака, приготовившись к бесконечному ожиданию. Это лето выдалось урожайным на свадьбы, в очереди на подачу заявления толпилось сразу несколько пар. В основном все женихи с невестами были очень молоденькими. И правильно, чем старше становишься, тем больше скептицизма, что из такой затеи может получиться что-то путное, подумала я. Вот, например, мне все время было не до замужества: то университет, то карьерный рост, то поиск себя, то самовыражение. Один кавалер сменял другого, но все они были как бы ненастоящими, временными. В моем понимании, когда-то должен был наступить такой момент, чтобы я поняла: все, пора выходить замуж. Но такого ощущения все не наступало, и я ставила перед собой все новые и новые цели.

И вот у меня появилась квартира, диплом, профессия, опыт работы и даже сама работа была какое-то время, я огляделась, а создавать семью оказалось не с кем. Все уже попереженились, некоторые завели детей, другие успели развестись. А вокруг меня – вакуум, пустота. Последняя лю-

бовь засохла год тому назад, когда стало ясно, что ему ничего от жизни не надо, лишь бы хватало на видеоигры, книги и всякие тренинги. Оне, видите ли, были интеллектуалами! Зарплата у возможного претендента на главную роль в моей жизни была грошовая, плюс бабушка с пенсии подкидывала. Оне снизошли до того, что согласились жить у меня на всем готовеньком, но при условии, что я не буду требовать ни оформления отношений, ни детей. Я терпела семь месяцев, а потом выкинула интеллектуала со своей жилплощади и забыла, каких их звали.

– Простите, вы хотели к заведующей? – тронула меня за руку толстушка в цветном платье.

– А да, – растерялась я, выдернутая из своих печальных воспоминаний.

Кабинет заведующей был самым что ни есть заурядным кабинетом чиновника средней руки, с обязательным гербом России на задней стенке и портретом действующего президента. На столе рамочка с семейной фотографией, а как же без нее? За столом худощавая, молодящаяся женщина, которой было хорошо за сорок. Короткая стрижка, смелый макияж, дорогой костюм, массивное серебро на пальцах и в ушах.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – пригласила она, наметанным взглядом оценив мой внешний вид, – чем могу быть полезна?

У нее был приятный голос и хорошие манеры. Я устроилась за приставным столиком на неудобном стуле и изложи-

ла суть проблемы.

– Такого не может быть! Кто вам сказал подобную глупость? – возмутилась заведующая, услышав, в чем я обвиняю их учреждение.

– И тем не менее. Это так, – развела я руками. – Вчера ко мне в больницу приехал жених и сказал, что мы напрасно вообще приехали, церемония бы все равно не состоялась, потому что наши документы исчезли.

– Пойдите, так вы та невеста, которую в субботу сбила машина? – чему-то обрадовалась моя собеседница.

– Ну, в общем-то да, – призналась я.

– Так у нас уже были здесь из полиции. И уже все разъяснилось, – продолжала ликовать заведующая.

– Вот как, тогда, может, вы и меня просветите?

– Как будто вы сами не в курсе. Кому же как не вам знать, что произошло на самом деле! – пожала она плечами и соорудила гримаску заговорщика.

Буквально через пять минут я сидела перед ней и вообще ничего не понимала. Оказалось, что мы с Костиком забрали заявление на регистрацию брака, поэтому-то наших паспортов у них и быть не могло. А почему мы все-таки приперлись регистрироваться – им вовсе не понятно. Как и то, с какой целью мы ввели в заблуждение милицейские чины, если не должно было быть никакой регистрации? Заведующая смотрела на меня строго, но в глазах трепыхалось жгучее любопытство. Наверно, такой дуры как я она сроду не видывала.

Я хлопала глазами и подозревала, что сошла с ума, причем не сейчас, а тогда, когда отдала наши паспорта и получила от тетеньки бумажечку, на которой значилась дата нашей свадьбы и время: пятнадцать ноль-ноль, прибыть – за двадцать минут. А внизу были припечатаны расценки на услуги фотографа и оператора. Вот тогда я и сошла с ума, потому что мне только показалось, что я сдала документы и получила эту бумажечку, а на самом деле я забрала наши заявления. Потом я полностью все забыла и как полная кретинка стала собираться замуж за Костика. Вот оно как!

– Не может быть, – вяло промямлила я, понимая, что пауза затянулась.

– Да что там не может! – запротестовала заведующая. – Такое часто случается, что забирают заявления. Только, видно, в вашем случае ваш жених запомнил вам об этом сообщить.

Ага, ну уже легче, значит, сумасшествие настигло моего жениха. Это Костик забрал паспорта из ЗАГСа, и он же свихнулся, не я! Ибо, в субботу он исправно изображал из себя жениха, как ни в чем не бывало. Потрясающе!

Интересно, на что же он тогда рассчитывал? А ну как меня бы не сбили? Как бы мы тогда выглядели, когда просидели бы до вечера под дверьми в этих свадебных нарядах, надеясь, что когда-нибудь и нас пригласят на роспись. Фу, мне даже дурно сделалось от этого видения.

– Простите, Инна..., – начала я, припомнив ее имя на

дверной табличке.

– Свиридовна, – с готовностью подсказала она.

– Так вот, Инна Свиридовна, это просто бред какой-то. Никаких заявлений мы не забирали, паспорта вам свои мы сдали вовремя, женщине там за столом, – махнула я рукой в сторону соседней комнаты, – и приехали на регистрацию, в надежде пожениться. И если бы меня не сбила машина, то вам бы был обеспечен хорошенький скандалчик.

– Постойте, – нахмурилась она, про скандалчик ей не понравилось, – вы действительно утверждаете, что не забирали заявлений?

– Действительно утверждаю. Более того, хочу, чтобы вы немедленно пригласили сюда сотрудницу, которая вам сообщила обратное. Я по профессии журналист, и поверьте, вам лучше со мной не ссориться!

– Понимаете, э-э-э ...

– Ксения Робертовна.

– Понимаете, Ксения Робертовна, вам в таком случае придется вспомнить конкретно, кому вы сдавали паспорта, потому что тот факт, что вашего заявления у нас нет, я проверяла собственноручно. В тетради, где раньше стояла запись о регистрации, эта запись вычеркнута, что означает, что жених с невестой передумали и забрали заявления. Все, не хотят люди регистрироваться, – развела она руками. – У нас нет специальной тетради, куда бы мы вносили отказников. Ну не хотят – и пожалуйста! У нас тут некоторые по пять

раз за месяц бегают туда-сюда. Поэтому для нас не важно, когда именно произошел отказ. А вот если вы утверждаете, что паспорта все же сдавали, да еще конкретному сотруднику, тогда будем разбираться.

И мы начали разбираться: сверили дату, когда я привезла документы в ЗАГС, просмотрели списки дежуривших в те дни на приеме сотрудников, оказывается, что у них нет какого-то конкретного человека, все периодически работают на «передней линии фронта». Выяснили, что в тот день это была некая Свечкина, но когда та вошла в кабинет, я сразу поняла, что это не она: у женщины были фиолетовые волосы с розовыми прядками, я такую бы точно запомнила.

А та была ничем не примечательная, да к тому же вокруг нее была толпа народа. Одна пара заполняла заявления, другая донесла какие-то справки, женщина допытывалась, где тут нужно сдавать документы на установление отцовства, и еще кто-то стоял с какими-то бумажками. И только Свинкины грустно признались мне, что они и «крайние». Я потопталась минут пять рядом с ними, а потом сунулась сбоку, когда «приемная дама» что-то говорила по телефону, и поинтересовалась, нужно ли мне где-нибудь расписываться или можно просто отдать документы? Она раздраженно спросила: «Вы паспорта принесли?» Я кивнула, она взяла наши паспорта, отвернулась от меня, порылась в столе, вытащила какую-то папку и сунула их туда. Я спросила: «Это все», она буркнула «да», даже не поворачиваясь. Честно говоря, я ее

видела в пол-оборота полминуты, как тут запомнить навеки? Но то, что это фиолетово-розовое чудо тогда и рядом не стояло, я могла даже поклясться.

К счастью, тетка оказалась при памяти и быстро вспомнила, что ее в тот день заменяла некая Марина Кузина. Тут они облегченно вздохнули и повернулись ко мне.

– Марина лежит на сохранении в десятом роддоме. Она на прошлой неделе ушла в декрет.

– Прекрасно. Декрет – это прекрасно, – одобрила я, – но что дальше случилось с нашими документами?!

– Она их точно прихватить не могла, – ехидно заметила Двухцветик.

– А кто мог?

– Ну, ваш жених, к примеру, – пожала та плечами, как будто не понимала, как я сама не могла додуматься до такого простого объяснения.

– Жених не мог, мы это уже с Инной Себастьяновной обсуждали, – отрезала я.

– Свиридовой, – обиделась Инна за свое отчество.

– Извините, – отмахнулась я. – Так все-таки, где наши документы?

– Да кто же вас знает! – в сердцах вскинулась Свечкина. – Их забрали. Но это кто-то из вас, нам ваши документы точно не нужны!

– Ксения Робертовна, – поспешила встрять заведующая, видя, что мое лицо стало куда более ярким, чем прическа

подчиненной, – вы только не волнуйтесь. Давайте так поступим, вы пока побеседуете с вашим женихом, а мы тут все еще раз перепроверим и с Мариночкой свяжемся, вдруг она папочку вашу куда засунула, знаете эти беременные такие забывчивые на самом деле!

– Что значит «засунула»? В каком смысле «забывчивые»? Вы хотя бы сами понимаете, что говорите? У нас свадьба сорвалась, и документы пропали, а вы мне что-то про склероз беременных женщин толкуете!

– Да она и так сорвалась бы, вас же машина еще раньше сбила! – невозмутимо парировала она

– Инна Спиридоновна! – заорала я не своим голосом.

– Свиридовна, – рявкнули обе крали в один голос и возмущенно переглянулись.

– Не важно! – взвизгнула я. – Вы меня не доводите! У меня сотрясение мозга и нервы на исходе!

– Если вы не забирали, так, значит, найдем...

– А если не найдем, то, значит, забирали...

– А если не найдем, и не забирали, то, значит, где-то потерялись...

– Или не потерялись, а просто завалились, хотя у нас такого никогда не бывает!

Я почувствовала, что комната медленно, но уверенно закачалась и двинулась вправо, предметы потеряли четкость и яркость, а воздух стал густым и вязким. Видно с моим лицом тоже что-то такое приключилось, ибо дамочки испуга-

лись по- настоящему, водичку из графинчика в стаканчик плеснули и принялись мне в рот пихать. Водичка чем-то во- няла, и я ее пить отказывалась. В ушах стоял звон. Тут что- то звякнуло, это Свечкина графин на пол сшибла, а ко мне вернулось ощущение реальности.

– Простите, – сказала заведующая.

– Извините, – поддакнула Свечкина.

– И вы тоже, – выдавила я из себя. – Я, пожалуй, пойду.

Только вы все равно поищите наши паспорта, их же так тя- жело восстанавливать.

Чувствуя на себе их прожигающие взгляды и одновремен- но не чувствуя никаких сил, я побрела вон из ЗАГСа. Ужас какой-то, а не заведение!

На свежем воздухе мне стало полегче, я оттащила себя на следующий квартал, который утыкался в маленький скве- рик. Там в тени старых вязов имелась симпатичная кафешка. Я присела за желтый пластиковый столик, заказала офици- анту минералку, кофе с коньяком и лимоном и лед. Вскоре я пила вкусный кофе и запивала его ледяной водичкой. Бла- годать! Сразу стало лучше и физически, и душевно. Первым ко мне вернулось чувство юмора, и я тихонечко захихикала, стараясь не привлекать к себе внимания окружающих, пото- му что это странно, когда сидит за столом одинокая девушки и смеется, сама себе приятная. Посетителей было немного, но бармен с меня взгляд не сводил, а мне с каждой секундой становилось все смешнее.

Я выдернула из сумочки телефон и, не снимая, с блокировки, поклацала клавишами. Надо было срочно замаскировать свою истерику. Я стала кивать головой, приговаривая себе под нос: «Ой, не могу, вот смехота!»

Видела бы меня сейчас Ритка. Замуж собралась! Дура. Прав Громов, кто ж на мне женится! И тут я истерически захохотала, прижимая телефон к уху.

Просто я решила, что документы забрал сам Костик, испугавшись мамы. Просто это было самое логичное объяснение случившемуся. Ну не беременная же Мариночка в самом деле их куда-то «засунула». Костик же не знал, бедняга, что меня захотят в этот день грохнуть, и наша свадьба все равно не состоится без всяких там таинственных пропаж. Хотя нет, он все просчитал, ведь печати в этом загсе ставят в паспорта заранее, а таким образом некуда их стало ставить. Господи, ну что за идиотские мысли в голове! С другой стороны, а какие мысли там еще должны быть, если положение, в котором я оказалась самое, что ни на есть дурацкое?!

И тут зазвонил телефон. Кто говорит? Слон.

– Аверская, ты где шляешься? Я тебе домой звонил, а ты трубку не берешь, ты ж вроде должна отлеживаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.